

Александр Михайловский
Александр Харников

КРЫМСКИЙ ИЗЛОМ

Крымский излом - 1

Ангелы в погонах

Александр Михайловский

Крымский излом

«Автор, Автор»

2015

Михайловский А. Б.

Крымский излом / А. Б. Михайловский — «Автор, Автор»,
2015 — (Ангелы в погонах)

Российская эскадра, вышедшая в конце 2012 года к берегам Сирии, неожиданно оказалась в начале января 1942 года в Черном море на траверзе Евпатории. До начала героического, и в то же время трагического Евпаторийского десанта оставалось всего несколько часов. На кораблях объявлено, что российское военно-морское соединение находится в состоянии войны с Фашистской Германией, а командование осознает, что оказалось в нужном месте в нужное время, когда относительно малыми силами возможно свершить многое. Но в первую очередь необходимо установить связь с Верховным Главнокомандующим и доложить, что у Советского Союза появилась новая и очень мощная боевая единица, и теперь деды и внуки в одном строю будут сражаться против абсолютного зла. Этот момент истины и последующие за ним события послужили не только к изменению хода великой Отечественной Войны, но и течения всей мировой истории. Чтобы узнать, как это было, читайте эту и последующие книги серии «Крымский излом».

© Михайловский А. Б., 2015

© Автор, Автор, 2015

Содержание

Часть 1. Заря над Евпаторией	6
Часть 2. Час истины	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

**Александр Михайловский,
Александр Харников
Крымский излом**

В оформлении обложки использован фрагмент картины «Десант на Курильских островах». Художник А.И. Плотнов, 1948 год.

Часть 1. Заря над Евпаторией

Нигде и никогда, вне времени и пространства

ГОЛОС звучал, перекачиваясь в головах людей громовыми волнами.

– Службе Обеспечения Эксперимента приступить к созданию темпоральной матрицы!

– Докладывает Служба Обеспечения Эксперимента. Сканирующая линза создана, процесс обнаружения и локализации объектов запущен. – После длящейся вечность паузы, заполненной стуком метронома, ГОЛОС продолжил: – Обнаружено и локализовано шестнадцать надводных и два подводных объекта, объекты в воздухе отсутствуют. Приступаю к процессу сканирования. Десять... двадцать... пятьдесят... восемьдесят... сто... Сканирование завершено, матрица сформирована.

– Службе Обеспечения Эксперимента приступить к трассировке темпоральных узлов-реципиентов.

– Докладывает Служба Обеспечения Эксперимента. Трассировка темпоральных узлов инициирована. Первый доступный узел-реципиент – 4 января 1942 года от рождества Христова, координаты: сорок четыре дробь тридцать один в Гринвичской системе координат. Вторым доступным узел-реципиент – 11 октября 1917 года, координаты пятьдесят девять дробь двадцать. Третий доступный узел-реципиент – 9 февраля 1904 года, координаты тридцать семь дробь сто двадцать пять. Четвертый доступный узел-реципиент – 5 июня 1877 года, координаты тридцать девять дробь двадцать пять... Остальные энергетически доступные темпоральные узлы-реципиенты заблокированы логическими запретами первого и второго уровней.

– Выявленные темпоральные узлы-реципиенты санкционированы, Службе Обеспечения Эксперимента приступить к процессу копирования матрицы.

– Служба Обеспечения Эксперимента к процессу копирования матрицы приступила. Первая копия – готово, копирование успешно... – ГОЛОС хихикнул и в манере хорошо вышколенной стюардессы продолжил: – Товарищи, наш рейс прибыл в 1942 год: за бортом 4 января означенного года по григорианскому календарю, двести километров юго-западнее Севастополя. Командир корабля и экипаж прощаются с вами и просят сохранять спокойствие и мужество. О своих семьях не беспокойтесь, о них позаботятся ваши Оригиналы. – ГОЛОС посуровел. – Делайте что должно, и да свершится что суждено! Привет Алоизычу. Аминь!

Узел первый, День Д. 4 января 1942 года, Черное море, 200 километров юго-западнее Севастополя

День уже склонялся к вечеру, Хеншель-126 – он же «Костыль», он же «Мотылек» – прикомандированный к третьей группе семьдесят седьмой штурмовой эскадры, базировавшейся на аэродроме Саки, совершал последний за этот день разведывательный полет. Через полтора часа сядет солнце и наступит долгая зимняя ночь. Высота – полторы тысячи метров, наблюдатель до рези в глазах вглядывается в горизонт в поисках русских кораблей. Месяц назад комиссары на двух катерах совершили хулиганский набег на Евпаторию, освободили из лагеря своих, разгромили полицейское управление и взяли пленных. Поэтому внимание и еще раз внимание: в любой момент может повториться нечто подобное, и в куда больших масштабах. Вот расслабились камрады на Керченском полуострове – и пожалуйста, десять дней назад большевики высадили свои дикие орды, и теперь продвигаются вперед, грозя уничтожить на своем пути все живое.

Внезапно самолет ощутимо тряхнуло, будто под ним разорвался зенитный снаряд. Но не было слышно грохота взрыва, не пробарабанили по обшивке осколки. Наблюдатель машинально бросил взгляд вниз – и от удивления оледенел: прямо под ними на поверхности моря быстро расплзлось облако грязно-желтого тумана. Наблюдатель по внутренней связи вызвал пилота.

– Курт, глянь вниз, видел когда-нибудь такую штуку?

Несколько минут пилот вглядывался в расплзающийся туман.

– Первый раз вижу, Отто, но, сдается мне, это слегка похоже на дымовую завесу. Да и цвет такой, специфический – обычный туман таким не бывает.

– Тогда давай посмотрим на это чудо поближе, – ответил Отто, – если это дымовая завеса, то она должна прятать что-то чертовки большое...

– Яволь, камрад! Конечно же, Сталин прячет там подводную лодку в три километра длиной, – сострил Курт.

Герои люфтваффе отсмеялись, и маленький самолетик, заложив вираж, начал снижение. А туманный блин, достигнув примерно пятикилометрового диаметра, перестал расти, вздрогнул и, истончаясь, стал распадаться на клочья. Вот в прорехах между грязно-желтыми клочьями показалась палуба громадного корабля.

– Иезус Мария... – пробормотал ошеломленный Отто, – что это, Курт – авианосец?!

– Конечно, Отто, это авианосец, – огрызнулся Курт, – немедленно докладывай!

Отто забормотал в рацию, а обер-лейтенант люфтваффе Курт Зоммер уже прикидывал, как красиво будет смотреться на его парадном кителе железный крест за обнаружение русского авианосца, который парни из семьдесят седьмой штурмовой эскадры, конечно же, потопят.

В этот момент там, внизу, лейтенант Сергеев опустил бинокль и коротко бросил в переговорное устройство:

– Немец.

Он достаточно четко разглядел на крыльях белые кресты, и не испытывал никаких иллюзий. Поскольку, если ГОЛОС не лгал, и тут действительно сорок второй год, ни советские, ни немецкие самолеты не оборудованы ответчиками системы «свой – чужой», и перед открытием огня требовалось визуально удостовериться, что перед ними враг. Что же – как говорится, бойтесь хотеть чего-нибудь, вы можете это получить... В детстве Леха Сергеев хотел попасть на эту войну, чтобы... он и сам не знал, для чего, но знал, что так было бы правильно. И вот он здесь, не на игрушечной войне своей детской мечты, а на самой настоящей, где каждую секунду гибнут люди, которые этой войны не хотели, но теперь вынуждены ценой своей жизни останавливать взбесившегося германского зверя.

Но, кажется, он уже убил своего первого немца. Запрет на поражение цели был отменен, и ожила одна из башен зенитного ракетно-артиллерийского комплекса «Кортик-М». По ползущему на высоте восемьсот метров с заунывным воем «Костылю» не было истрачено ни одной ракеты – слишком жирно для такой мелюзги. Два шестиствольных автомата выбросили в его сторону по полусекундной очереди в сорок снарядов. Задача для автоматики детская: цель движется по прямой на очень небольшой скорости и высоте, при этом не маневрирует... Доля секунды – и во все стороны брызгами полетели изувеченные обломки; несчастный Хеншель будто пропустили через мясорубку. Герои люфтваффе умерли мгновенно, даже не успев ничего понять, также на полуслове оборвалась и передача в эфире. И правильно – никто их сюда не приглашал. А на палубе «Адмирала Кузнецова» уже кипела работа. На стартовые позиции вытаскивали две Су-33 дежурного звена. Еще в той жизни, когда соединение прошло траверз Александрии, контр-адмирал Ларионов приказал держать дежурную пару с подвешенным вооружением «воздух-воздух» в полной готовности к взлету. Учения так учения. Вот, взревев двигателями, самолет ведущего пары майора Коломенцева сорвался с места и, подпрыгнув на трамплине, стал быстро набирать высоту. Вслед за ним стартовал его ведомый, капи-

тан Гордин. Они успели... Даже если бы они и не успели, то, имея мощное ПВО, соединение могло отбиться от воздушной атаки и без помощи истребителей. Но отражение групповых атак пикирующих бомбардировщиков ими еще ни разу не отрабатывался, так что имелся риск при разборе целей случайно упустить какого-нибудь мерзавца и получить пятисоткилограммовый сюрприз в палубу. Такими бомбами «Штуки» кидаются метко, да и маневренность у них гораздо выше среднего.

Там временем на аэродроме в Саках царила бешеная суматоха. Выпустив в воздух дежурный штаффель, техники лихорадочно готовили к вылету еще два. Командир первой авиagrуппы обер-лейтенант Хельмут Брук сообщил командиру семьдесят седьмой штурмовой эскадры майору графу Клеменсу фон Шёнборн-Визентхайду об обнаруженной разведчиком морской эскадре большевиков, включающей авианосец трехсотметровой длины, и вылетел на задание. Больше его никто не видел. Зимнее Черное море весьма сурово, в его водах живые завидуют мертвым... примерно десять минут.

В штабе эскадры дежурный офицер, услышав про русский авианосец, пробормотал под нос: «Что они там пьют, обормоты? Авианосец ему привиделся, а мне с этого славянского самогона пока только зеленые черти приходили...» Но орднунг есть орднунг, и про авианосец было доложено по команде; в ответ из штаба авиакорпуса потребовали перепроверить информацию.

В русский авианосец генерал Лотар фон Рихтгофен не верил, поэтому на утро запланировал массированный налет на Севастополь всеми самолетами, что смогут подняться в воздух. Пока же дежурный второй штаффель, не ведая печали, приближался к указанному в сообщении квадрату. Все будет как всегда – налетят и потопят. А если что-то останется на плаву, то, значит, осталось и на долю камрадов из первого и третьего штаффелей, которые вылетят к цели чуть позже.

Внезапно небо перечеркнула белая, чуть кудрявящаяся линия, и ведущий девятки «Штукас» превратился в огненный шар. Один из его ведомых – очевидно, поврежденный разлетающимися обломками, выпустил жирный хвост дыма и неудержимо повалился вниз, в очерченные белыми барашками волны Черного моря. Асы люфтваффе еще не успели прийти в себя от шока, как заостренный предмет, оставляющий за собой четкий белый след, молнией воткнулся в ведущего правого шварма. Не повезло парням, что поделаешь: от взрыва боевой части ракеты на подвеске сдетонировала пятисоткилограммовая бомба, что поставило жирную точку на всех трех пикирующих бомбардировщиках. Ведущий левой тройки попытался связаться с командиром группы, предупредить, одновременно разворачиваясь на обратный курс, но эфир оказался заполнен каким-то хохотом, свистом, писком и мяуканьем. Ракета Р-27ЭР чуть-чуть промахнулась, взорвавшись десятью метрами выше строя удирающих со снижением «Штук». Но если у тебя в боевой части почти сорок килограмм мощнейшей взрывчатки и полторы тысячи готовых сверхтвердых элементов... то не считается ни «чуть-чуть», ни «промахнулась». Смертоносный вихрь готовых осколков прошелся по плоскостям, кабинам, капотам; следом пришла ударная волна, отрывая хвостовые оперения и ломая плоскости. Все три «Штуки» рухнули вниз бесформенными комьями дюраля, будто никогда и не умели летать. Последний Ju-87, зависший в закатной синеве, майор Коломенцев снял с неба короткой очередью из пушки. А впереди уже маячили черные точки юнкерсов двух следующих штаффелей. Еще пять ракет Р-27ЭР, потом поправка недоделок пушками, и еще восемнадцать «Штук» со специфическим красным хвостовыми оперением присоединились к своим приятелям на дне Черного моря. Последнее, что в своей жизни видел обер-лейтенант Хельмут Брук – это две краснозвездных стрелы в пятнистой голубоватой раскраске, атакующие по косой петле с неумолимостью топора гильотины. Очередь из тридцатимиллиметровой пушки точно хлестнула по «Штуке» от капота до кабины, милосердно отпуская обер-лейтенанта вместе с его стрелком ефрейтором Шмидтом на просторы Валгаллы. А внизу несчастные, которым повезло

выброситься с парашютом, болтались посреди ледяных волн в своих оранжевых спасжилетах. Море тоже возьмет свою долю арийских жизней, ибо их срок вышел.

А с севера на помощь избиваемым «Штукам» уже спешили восемь Ме-109Ф с аэродрома подскока Кача под Севастополем. Они еще не знали, что спасать больше некого. Заложив вираж, две «сушки» направились навстречу новым гостям, пир души продолжался.

Тогда же и там же, тяжелый авианесущий крейсер «Адмирал флота Советского Союза Николай Кузнецов»

Сорок второй год, январь... В сознании у контр-адмирала что-то щелкнуло, и он вдруг стал спокоен, как система наведения, направляющая боеголовку на цель. Только по краю мелькнула мысль: «А ведь дед-то в Севастополе еще жив, пока...»

Внешне же контр-адмирал Ларионов являл собой пример холонокровия и невозмутимости.

Первым делом – звонок на ГКП; капитан 1-го ранга Андреев уже на боевом посту.

– Антон Иванович, доложите обстановку. Что, немецкий разведчик, визуально опознан и уже сбит? Молодцы! Запишите в журнал и от моего имени передайте на другие корабли: с этой минуты межфлотское корабельное соединение Военно-Морского Флота Российской Федерации находится в состоянии войны с фашистской Германией. С этого момента на кораблях действуют законы военного времени. Поднять в воздух дежурную пару. Что? Уже на старте? Правильно. Если тут болтался разведчик, то скоро могут прилететь гости посерьезнее. – После небольшой паузы: – Пошлите борт на «Смольный», пусть заберут группы полковника Антоновой и полковника Бережного, нечего им там прохлаждаться... Журналисты, пожалуй, тоже пусть будут под рукой. Оперативному отделу выяснить обстановку на берегу и доложить. Связистам приступить к прослушиванию эфира и локализации каналов связи советской и немецкой группировок со своим командованием. И еще, Антон Иванович: мне, точнее, всем нам, срочно нужен прямой канал связи с Москвой. Передайте всем: через час – оперативное совещание штаба в расширенном составе, и Иванцова ко мне, срочно. Обязаны присутствовать командиры кораблей и приданных соединению частей. Все, исполняйте!

Повесив трубку, адмирал перевел дух. Вот и пришло время, когда надо решать, брать на себя ответственность и отвечать за свои решения. Но эта война – дело святое, а значит, делай что должно, и да свершится что суждено.

Оперативное совещание собрали в адмиральском салоне. На плазменный экран вывели карту советско-германского фронта на данный момент. Докладывал начальник штаба соединения капитан 1-го ранга Сергей Петрович Иванцов.

– Обстановка на четвертое января 1942 года на советско-германском фронте складывается следующим образом. На северном участке фронта затишье, Тихвинская наступательная операция советских войск успешно завершена, угроза двойной блокады Ленинграда сорвана. Любаньская операция пока не начата. На центральном участке фронта продолжается контрнаступление советских войск под Москвой, которая вот-вот должно войти в стадию Ржевско-Вяземской наступательной операции. На южном участке фронта, в результате контрударов Красной Армии, освобождены Ростов-на-Дону и Керченский полуостров с Феодосией. А теперь о стратегической обстановке, товарищи. На советско-германском фронте она такова, что, несмотря на завершившуюся мобилизацию и подтянутые резервы, фашистская Германия до сих пор обладает количественным и качественным перевесом в авиации. Из-за утраты стратегических запасов и эвакуации промышленности за Урал Красная Армия испытывает острый дефицит в вооружении и боеприпасах. У командиров всех уровней недостаточно квалификации, а у большинства бойцов Красной Армии отсутствует боевой опыт. Теперь детально о положении в Крыму. второго января сего года завершилась Керченско-Феодосийская насту-

пательная операция. Войска вышли на рубеж Киет-Новая Покровка-Коктебель. Дальнейшему продвижению мешает плохое снабжение из-за неустойчивой погоды и действий вражеской авиации. В порту Феодосии люфтваффе потопило четыре крупных транспортных судна и тяжело повредило флагман Черноморского флота крейсер «Красный Кавказ». Через несколько часов советское командование приступит к исполнению плана по высадке в Евпатории тактического десанта. Из-за шторма, который разыграется в ночь с пятого на шестое января и продлится три дня, десант окажется без помощи и будет полностью уничтожен противником. – Иванцов вывел на плазменную панель схему Евпаторийского десанта. – Как вы видите, десантникам удалось захватить набережную и Старый Город. Морской порт, Курортная зона и Новый город остались в руках немцев. К десяти часам утра пятого января немцы подтянули резервы со стороны Севастополя и Симферополя и перешли в контрнаступление. Против десанта весь день активно действовала немецкая авиация...

– Подожди минутку, Сергей Петрович... – Контр-адмирал подошел к изображенной на плазменной панели схеме и задумался. – Времени на размышления очень мало, товарищи, вот если верить истории, через сутки начнется шторм, и тогда помочь десанту не сможет не только командование в Севастополе, но и мы тоже. Решать надо прямо сейчас же! Сергей Петрович, записывайте, а вы, товарищи морские пехотинцы, подойдите к карте.

Из группы офицеров, стоящих чуть поодаль плазменной панели, вышло два майора. Оба невысокие, коренастые, чем-то неувовимо похожие. Только один – брнет, с намеком на предков с Кавказа, а второй – типичный уроженец средней полосы.

– Майор Осипян, – продолжил контр-адмирал, – черноморский батальон высаживается вместе с бронетехникой в районе города Саки. Задача: захватить одноименный аэродром и оседлать дороги Евпатория – Симферополь и Евпатория – Севастополь. Один взвод обязательно направьте вдоль Симферопольского шоссе в сторону Евпатории, с целью сомкнуться с десантниками капитан-лейтенанта Бузинова и помочь им продвнуться вдоль Эскадронной улицы. Владимир Вазгенович, после занятия рубежа основным силам вашего батальона необходимо оборудовать оборонительные позиции из траншей нормального профиля. Рассчитывайте, что вам придется отражать массированные атаки пехоты противника при поддержке артиллерии. Последний пункт мы у немцев постараемся аннулировать, но ты на это не очень-то рассчитывай. Действуйте так, будто на вас поперет вся эта проклятая 11-я армия генерала Манштейна. «Адмирал Ушаков» прикрывает вашу высадку своей артиллерией. Основная задача вашего батальона на первом этапе операции – не пропустить к Евпатории немецкие подкрепления. Сергей Петрович, в нашей истории немецкие части подходили на помощь гарнизону организованно или россыпью?

– Россыпью и как попало, товарищ контр-адмирал, – ответил начальник штаба, – генерал Манштейн исполнял директиву Гитлера о «горизонтальной» переброске резервов к угрожаемому участку и снимал со «спокойных» мест линии осады – откуда роту, откуда батарею.

– Ну вот и хорошо, – адмирал повернулся к майору Осипяну. – Владимир Вазгенович, замаскируй позиции в глубине обороны, на дороге организуй засаду и первые мелкие группы ликвидируй, стараясь не поднять у немцев тревоги. Теперь о балтийском батальоне. Гвардии майор Юдин, твоя задача – взять Морской порт и Курортную зону. Тебя будут поддерживать артиллерийским огнем крейсер «Москва» и БПК «Североморск». Обращаю особое внимание командиров боевых кораблей, осуществляющих артиллерийскую поддержку. Портовые сооружения в Евпатории и аэродром в Саках нужны нам в максимально неповрежденном состоянии. В Евпаторийском порту в течение дня пятого января, нам необходимо постараться максимально разгрузить «Колхиду». Пока не начался шторм, на берегу должна оказаться вся тяжелая техника с необходимым запасом боеприпасов. Антон Васильевич, у тебя самая тяжелая задача – уличные бои во взаимодействии с местными частями морской пехоты. Против тебя будут воевать... – контр-адмирал заглянул в текст в ноутбуке, который стоял на столе рядом с плаз-

менной панелью, – смесь из немецких и румынских частей и жандармерии, набранной из числа изменников крымско-татарской национальности. Разрешаю татар сотрудничавших с немцами, уничтожать на месте, невзирая на пол и возраст. А то наше государство вместе с товарищем Сталиным добрые, еще простят. – Ларионов не выдержал: – Высылка в солнечный Узбекистан – не наказание! Ты же был в Чечне в 2002-м, так что поймешь. Теперь дальше... – контр-адмирал снова заглянул в ноутбук, – полковник Бережной Вячеслав Николаевич, по вашему особому статусу я не могу вам приказывать, могу только просить...

– Приказывайте, товарищ контр-адмирал, сделаем, – полковник Бережной внимательно посмотрел на своих офицеров, стоящих в углу отдельной группой. – Любой из нас скажет вам, что всю жизнь мечтал, мечтал, а тут прямо как в рекламе «Газпром – мечты сбываются». Это куда лучше, чем изводить бедных турок.

Командир роты, плотный мускулистый майор Гордеев кивнул.

– Ставьте задачу, товарищ контр-адмирал, и не беспокойтесь, все будет исполнено по высшему разряду. Голову Адольфа не обещаю, а вот все прочее...

– Голова Адольфа нам пока без надобности, пусть поживет, – в тон майору спецназа ответил контр-адмирал, – а вот все прочее... Значит, так: ставлю вашей роте пока две ближайших задачи. В ночь с четвертого на пятое января, за два часа до начала операции, скрытно высадиться с вертолетов на северной окраине города, затем мелкими группами выдвинуться в сторону побережья, ликвидировав патрули, уничтожая командный состав немецких и румынских частей и дезорганизуя оборону города. Основная цель – здание гестапо. Этот гадюшник желательно захватить без лишнего шума. Местных деятелей связать, при подходе бойцов РККА скрытно покинуть здание, оставив пленных в подарок. В серьезный бой не ввязываться, после выполнения задачи скрытно выходить навстречу батальону майора Юдина. Второе задание – авантюра из авантюры: разгромить и уничтожить штаб 11-й армии. Всю осаду Севастополя он находился в одном и том же месте в поселке Сарабуз. В дальнейшем вы и ваша вертолетная группа будет дислоцироваться на аэродроме Саки. Задание понятно?

– Так точно, понятно, – майор Гордеев козырнул. – Товарищ контр-адмирал, разрешите задать вопрос?

– Спрашивайте, – устало поднял глаза контр-адмирал.

– Что делать в случае контакта с командирами и бойцами Красной Армии? Им что про нас говорить – не скажешь же, что мы из будущего?

– Говорите что мы группа спецназначения, подчиняемся напрямую Ставке, – ответил контр-адмирал, – надеюсь, к вечеру пятого, самое позднее утром шестого, это уже не будет враньем. Все, товарищи, все свободны. А вот товарищей журналистов я попрошу остаться.

Тогда же и там же

Журналист Александр Тамбовцев

Нас, журналистов, оказалось четверо: ваш покорный слуга, специальный корреспондент ИТАР-ТАСС и съемочная группа телеканала «Звезда». Из них на оперативное совещание пригласили руководителя группы Сергея Викторовича Лосева, журналистку Ирину Олеговну Андрееву, и моего старого знакомого, оператора Андрея Владимировича Романова.

Задумавшись, контр-адмирал прохаживался перед нами, вразвалочку, как настоящий моряк. Вот он остановился и обвел нас взглядом.

– Товарищи журналисты, как известно, все современные войны ведутся не только на поле боя, но и в информационном пространстве. Я не могу вам приказывать, вы люди штатские (во всяком случае, в большинстве своем). Я могу вас только просить. Вам надо идти и делать свою

работу, показывать будни войны и рассказывать о них. Только вот должен предупредить, что эта война начисто лишена всяких признаков гуманизма и политкорректности. На этой войне убивают всех: солдат, журналистов, медиков, раненых, женщин, стариков и детей. Адольф Гитлер освободил своих адептов от такого понятия как совесть. Я хотел бы просить о двух вещах. Во-первых, нужна съёмочная группа, которая пойдёт в десант вместе с батальоном майора Юдина. Подумайте хорошенько: хоть мы и выделим вам в сопровождение отделение морской пехоты, все равно это очень опасно.

Во-вторых, нужно, чтобы вы собрали все хранящиеся у вас материалы по плану «Ост» и зверствам фашистских захватчиков. Материал предполагается передать в Москву для использования в пропагандистских целях. Вот вы, товарищ Тамбовцев, не могли бы взять на себя эту задачу?

Я вздохнул.

– Товарищ контр-адмирал, я планировал отправиться на берег вместе с десантом...

– И сколько вам лет, товарищ капитан? – остановил меня контр-адмирал. – Отрывать немцам головы лучше получится у молодых и дерзких. Доверим же им это ответственное дело. От вас, товарищ Тамбовцев, мне нужен журналистский опыт и талант, в сочетании с пониманием военно-стратегических перспектив происходящего. Вы, в силу двойственности своего положения, можете не только увидеть и описать происходящее, но и определить его место и роль в складывающейся картине мира. Ну как, я вас убедил?

– Товарищ контр-адмирал, у меня на этот счет есть свое мнение, но, как человек военный, выполняю ваше приказание. Разрешите идти?

– Погодите, Александр Васильевич, мы еще не закончили. – Адмирал повернулся к моим коллегам из «Звезды». – Ну что, товарищи телевизионщики, вы приняли решение?

– Да! – Ирочка Андреева тряхнула кудрями, – я пойду с десантом, и буду делать то, что нужно. – Она повернулась к оператору. – Андрей Владимирович, вы со мной?

Не успел мой старинный знакомый утвердительно кивнуть, как руководитель группы вскричал петушиным голосом:

– Ира! Что ты делаешь, это же опасно!

– А в Сирии было бы не опасно? – прищурилась журналистка. – Они же там такие же фашисты, им точно так же плевать на неприкосновенность прессы, разве только мазаны они другим цветом.

– Но работать на Сталина – это невозможно! Господин контр-адмирал, как вы можете после всего, что было, даже подумать о сотрудничестве с этим режимом...

Я тихонько шепнул на ухо Андрею:

– Общечеловек, что ли?

– Ага, – так же тихо ответил тот, – прислали в последний момент на нашу голову из министерства обороны.

– У кого режим, а у кого страна! – громко отпарировала Ирочка, задрал нос и топнул ногой. – Либераст недорезанный!

– Ах ты... сучка путинская! – ощерился тот в ответ.

– Тихо! Молчать! – рявкнул Ларионов, и тут же наступила гробовая тишина. – Значит, так, товарищ Тамбовцев, ваш первый материал я жду к завтрашнему утру. После налаживания канала связи будем передавать его в Москву. Вас, Ирина Олеговна и Андрей Владимирович, благодарю за содействие, – адмирал черкнул пару слов на листке из блокнота. – Соберите все, что вам надо для командировки на берег, найдите майора Юдина и передайте эту бумагу, он вам поможет и поставит на довольствие. Думаю, борт на «Калининград» еще не ушел. Да, вот еще: конечно, никакого телеканала «Звезда» еще не существует, вы – корреспонденты газеты «Красная звезда», выполняете особое задание редакции. Понятно?

Взяв у адмирала листок из блокнота, Ирочка очаровательно улыбнулась:

- Спасибо за доверие, товарищ контр-адмирал, ну мы... разрешите идти?
- Идите! И вы, товарищ Тамбовцев, тоже.
- А я? – пробормотал оставшийся в одиночестве руководитель съемочной группы.

Вместо ответа адмирал нажал на столе какую-то кнопку – и в дверях материализовался адъютант.

– Витя, вызови сюда кого-нибудь из людей Самарцева, пусть упрячет господина Лосева на гауптвахту. По российскому УК его деяние ненаказуемо, а по местному – статья пятьдесят восемь дробь один, тянет от пяти до пятнадцати. Ну, а в военное время... А посему при первой возможности мы и передадим его местным властям. Нам тут предатели не нужны.

И адъютант Витя, с погонями старшего лейтенанта, вывел из адмиральского салона некогда вальяжного, а теперь скукожившегося и потерянного господина.

Пробираясь к каюте, которую мне выделили на «Кузнецове», я наткнулся на подполковника Ильина. Тот был с красными от усталости глазами, но возбужден и даже весел.

– Васильич, где ты ходишь?! Тебя Антонова ищет, с ног сбилась! Идем! – Он потащил меня куда-то вглубь «Кузнецова» – туда, где чужие обычно не ходят.

В помещении, отведенном разведчикам, было шумно, накурено, вентилятор едва успевал разгонять клубы дыма. От такого неожиданного амбре я сначала даже закашлялся. Полковник Антонова в брючном костюме и рубашке защитного цвета с закатанными рукавами дымила сигаретой как заправский ковбой.

– Нина Викторовна, привел! – выдохнул Коля, втянув меня внутрь.

– Александр Васильевич, – воскликнула моя старая знакомая, – вы нам во как нужны! Я знаю, вы в серьез занимались историей этой войны, а для нас сейчас любая информация бесценна. Короче, капитан Тамбовцев, наши спецы нащупали каналы связи, по которым общается с Москвой местное командование в Севастополе, и «сломали» их шифры. Каналов несколько, и некоторое время мы не могли разобраться, кто есть кто. Но теперь более-менее поняли по содержанию сообщений. Есть каналы связи командования Приморской армии и севастопольского оборонительного района с Генштабом и Ставкой. Эти все время ноют про тяжелое положение, и все время просят денег, то есть подкреплений. Есть канал связи разведупра армии с ГРУ. Эти на связь выходят редко и только по делу. Управление НКВД по Севастополю имеет прямую связь с нашей родной конторой. Ну и связь с командованием Кавказского фронта... Ужас, столько начальников. А еще ведь и связь флотская! Как вы считаете, что мы должны предложить адмиралу, с кем в первую очередь связаться, и что сообщить?

В это время в углу ожил громкоговоритель системы общего оповещения, – Всем сверить часы, точное местное время, восемнадцать часов тридцать две минуты, повторяю, восемнадцать часов тридцать две минуты.

4 января 1942 года 18:32, ТАКР «Адмирал Кузнецов», разведотдел штаба соединения

Подполковник СВР Николай Ильин

Как только громкоговоритель прокаркал точное время, все присутствующие начали подводить свои часы. С минуту стояла тишина. Обнаружилось, что к сожалению, на компьютерах невозможно выставить такую дату – сорок второй год: минимум тысяча девятьсот восемьдесятый, максимум две тысячи девятьсот девятый. Не рассчитывали системные программисты в Штатах на наш случай.

– Так, Нина Викторовна, что вы там говорили про вскрытые каналы связи? – спросил Александр Васильевич застывший в позе Роденовского «мыслителя» перед картой Крыма, на которую была нанесена обстановка на сегодняшний день. – Наша контора, ГРУ, местные военные начальники – все это отпадает в силу причин временного характера... Слишком много времени уйдет на перепроверку, да и полномочия у них крайне невелики. Вы же знаете, что история – мое хобби, и должен сказать, что фамилии Октябрьский и Козлов до сих пор вызывают у меня стойкий приступ тошноты. С этими товарищами каши не сваришь и «большую музыку» не сыграешь. Необходимо выходить на самый верх.

– Вы имеете в виду – на САМОГО? – полковник Антонова ткнула пальцем вверх.

– На Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Советского Союза Иосифа Виссарионовича Сталина. – Александр Васильевич хитро прищурился. – Вы, уважаемая Нина Викторовна, сядьте и подсчитайте боевой потенциал нашего соединения, и при этом не забудьте всю ту стреляющую обновку, что спрятана в трюме «Колхиды». А как подсчитаете, то сами поймете, что место нашего соединения – в прямом подчинении у Ставки.

– Вы действительно так думаете, Александр Васильевич? – Я обернулся на голос; в дверях стоял контр-адмирал Ларионов.

– Так точно, товарищ контр-адмирал, – ответил мой бывший коллега. – Только Верховный, и только Ставка! Тем более что на местных начальников надежды нет... Еще те кадры. Николай, – повернулся он ко мне, – вы сегодняшнее расположение немецких частей на карту уже нанесли, или это за вас Пушкин делать будет? Я вам Залесского зачем давал?

– Нанесли, товарищ капитан, – по старой привычке машинально ответил я, разворачивая к нему ноутбук. В какой-то момент мне показалось, что этих двадцати лет словно и не было, и капитан Александр Тамбовцев снова мой начальник. – Как вы и сказали, мы начали с авиации...

– О! Шикарно! – Александр Васильевич взгляделся в экран. – Товарищ полковник, посмотрите... – подозвал он командира авиакрыла «Адмирала Кузнецова». – Вот радиус действия Ваших «сушек»... – Александр Васильевич наложил на карту круг с центром в Евпатории и радиусом в тысячу километров, куда попала вся группа армий «Юг», а также часть группы армий «Центр». – Сколько вылетов ваши парни успеют сделать за ночь?

– Если ни есть, ни спать – то три... – полковник Хмелев помял подбородок. – В крайнем случае четыре... Вы предлагаете устроить «птенцам Геринга» 22 июня, только наоборот? – В его глазах появилось понимание, сменившееся азартом. – Ну-ка, дайте-ка... – он сел за ноутбук и стал набрасывать примерный график полетов.

– Товарищ контр-адмирал, по три вылета каждой машиной можно гарантировать точно. Из расчета три тройки «сушек» и две пары МиГов. Одну «сушку» с самым опытным пилотом использовать для ведения воздушной разведки в обозначенном радиусе...

– Сергей Петрович... – Контр-адмирал Ларионов склонился над плечом полковника Хмелева, – оставьте в графике два окна. Одно, примерно часовое – для сборки и выпуска в воздух Ми-28, другое, в районе двух часов ночи, примерно на двадцать минут – для запуска Ка-52. Не забывайте, группе полковника Бережного этой ночью работать и по Евпатории и по штабу Манштейна. – Он повернулся к Тамбовцеву. – Александр Васильевич, а не перейти ли вам в мой штаб, в оперативный отдел? У вас неплохо получается...

– Не стоит, товарищ контр-адмирал, – ответил тот, – у вас достаточно молодых и талантливых офицеров. Зачем вам пенсионер? Я просто выдвинул очевидную идею, которую они тут же довели до рабочего состояния. Теперь смотрите: мы дадим по каналу СОРа радиogramму в Ставку о своем присутствии, и тут же начнем крушить немецкие аэродромы в пределах нашей досягаемости. Если мы не будем валять дурака, то завтра утром обстановка на южном участке советско-германского фронта может резко измениться. Германские танкеры за летне-осеннюю кампанию выработали практически весь моторесурс. Боеготовых роликов в танковых

группах остались единицы. Советские контрудары парируются только за счет превосходства в воздухе.

– И вы предлагаете это превосходство у немцев отобрать... – Адмирал задумался. – Если сделать это хотя бы здесь и сейчас, то толк все равно будет. Немцам придется зашивать дыру резервами, а они у них и так невелики. Теперь, товарищ Тамбовцев, насчет радиограммы... Каковы у вас мысли на это счет?

– С радиограммой несколько сложнее, товарищ контр-адмирал. С одной стороны, если код вскрыли мы, то почему это не смогут сделать немцы или англичане? Но тут еще один фактор... А сколько вообще времени мы сможем хранить тайну о своем происхождении? Думаю, год-полгода. Когда мы начнем участвовать в Великой Отечественной Войне на стороне СССР (а мы фактически уже в ней участвуем) и включимся в структуры РККА и РККФ, то будем вынужденно контактировать с тысячами людей. Утечки в таком случае просто неизбежны... Короче, если шифр продержится полгода, то, значит, он выполнил свою задачу. Теперь по тексту... Начать надо примерно так: «Товарищ Сталин, мы, личный состав сводного соединения Военно-морского флота Российской Федерации, вышедшего на учения в Средиземное море в конце декабря 2012 года...»

– А может, не надо про 2012 год и Российскую Федерацию, по крайней мере, сразу? – засомневалась полковник Антонова. – А то как-то неуютно... Вот прийдет Берию разбираться, кто тут дурака валяет...

– А вы, Нина Викторовна, попробуйте как-то иначе объяснить наши возможности и наш Андреевский флаг, – отпарировал Тамбовцев. – Тут столько всякого накручено и наворачено, что в своей радиограмме мы должны быть кратки и максимально близки к действительности, а остальное Ставке скажет «ночь длинных ножей», которую устроит люфтваффе полковник Хмелев со своими орлами-пилотами... Ну и Евпаторийский десант. Кстати, товарищ Сталин крайне не любит, когда его вводят в заблуждение или морочат голову. Так что, товарищи, давайте держаться фактов яко путевой нити. И еще: наш с вами любимый нарком и так здесь будет – не с первой партией визитеров, так со второй. Ведь он не только Нарком Внутренних Дел, но и куратор всех КБ, в которых разрабатывается почти весь местный хайтек. А наши корабли этим хайтеком как раз забиты от киля до клотика. Но сейчас это к делу не относится... А теперь давайте дальше... примерно так: «Случилось так, что мы переместились во времени и пространстве, и оказались в Черном море 4 января 1942 года...»

– Не стоит «случилось так», – сказал я, – можно подумать, что для нас такие перемещения в порядке вещей, лучше написать «по не зависящим от нас причинам случилось событие, которое перенесло нас»...

– Да, а про «благодетелей-экспериментаторов» мы расскажем уже в личной беседе, если таковая состоится, что называется, тет-а-тет... – Контр-адмирал задумался. – И обязательно надо вставить про самое совершенное и разрушительное оружие, ну и продемонстрировать его на наглядном примере. Например, станция Джанкой, ключ к крымской логистике. Если снести ее ОДАБами, это не только предотвратит маневр силами со стороны противника, но и произведет нужное впечатление среди своих...

– Не годится, товарищ контр-адмирал, – возразил начальник штаба соединения. – В качестве демонстрационной выберите другую цель. В случае благоприятного развития ситуации на второй третий день Джанкой будет в наших руках, и весь этот склад на колесах окажется в распоряжении Красной Армии. На этом направлении мы с полковником Бережным сходимся на необходимости вывода из строя мостов на Чонгарском перешейке и одной из железнодорожных станций за линией Турецкого вала.

– Хорошо, тогда замените станцию Джанкой на железнодорожный узел Донецка, или, как его сейчас называют, Сталино. – Ларионов посмотрел на часы. – Вы, товарищи, пока составляйте свое послание. Товарищ Тамбовцев, я надеюсь, что оно будет вылизано и безупречно по

форме и содержанию, как заявление ТАСС в старые добрые времена. Закончите, занесите мне, я подпишу. А сейчас товарищи Иванцов, Бережной и Хмелев идут со мной.

Уже с порога он, пропустив вперед полковников, обернулся.

– Товарищ Тамбовцев, мое предложение пока остается в силе...

4 января 1942 года 21:10, Черное море, Стрелецкая бухта Севастополя

Началась погрузка десанта на корабли Черноморского флота. Для проведения операции флотское командование выделило из сил охраны водного района быстроходный тральщик Т-405 «Взрыватель», буксир СП-14 и семь катеров типа МО-4.

Каждый из катеров вмещал до пятидесяти человек десанта; остальные десантники, три противотанковые сорокопятки и два плавающих танка Т-37 были погружены на буксир СП-14.

В первый эшелон десанта входили: батальон морской пехоты – пятьсот тридцать три бойца под командой капитан-лейтенанта Бузинова, отряд специального назначения разведотдела штаба Черноморского флота – шестьдесят бойцов под командой капитана Топчиева; отряд погранохраны НКВД – шестьдесят бойцов; группа разведчиков капитан-лейтенанта Литовчука – сорок шесть бойцов; группа разведчиков Панасенко – двадцать два бойца, и отряд евпаторийских милиционеров во главе с капитаном Березкиным.

Всего в первой волне десанта должны были пойти семьсот сорок человек. Кроме того, в десанте участвовали партийные и советские работники, которые по прибытии в город должны были возглавить восстановленную советскую власть в Евпатории.

Ровно в 23:00 с тральщика «Взрыватель», флагмана десантной флотилии, прозвучал сигнал о начале движения. Корабли, выйдя из бухты, перестроились в кильватерную колонну – впереди тральщик, за ним пять катеров.

Позже к ним присоединился буксир СП-14 в охранении еще двух морских охотников. Корабли, миновав траверз Стрелецкого поста, легли на курс, ведущий в Евпаторию.

Шли без огней, соблюдая полную светомаскировку. Погода стояла тихая, с северо-востока дул слабый ветер, волны почти не было, корабельные двигатели, переведенные на подводный выхлоп, работали приглушенно. Справа багровым заревом проплывал осажденный Севастополь... Пока корабли шли к цели, начался инструктаж личного состава. Подразделениям ставились конкретные задачи: например, разведгруппе капитан-лейтенанта Литовчука предстояло захватить здание гестапо. Группе разведчиков Опанасенко, путем разведки боем, была поставлена задача выявить огневые точки и расположение сил противника. Батальон капитан-лейтенанта Бузинова после разгрома вражеского гарнизона должен был удерживать город до подхода главных сил. Потом на кораблях начались митинги...

4 января 1942 года 21:31, Черное море, 55 километров западнее Евпатории. Тяжелый авианесущий крейсер «Николай Кузнецов»

Самолетоподъемник один за другим вытаскивал на полетную палубу из глубины ангара хищные силуэты Ми-28Н, больше похожие на огромных стрекоз. Извлеченные на палубу ударные вертолеты спешно готовили к вылету. Пока прикомандированные с базы в Торжке техники монтировали к ротору снятые на время транспортировки лопасти, вооруженцы подвешивали к пилонам блоки НАР Б-8 и вставляли в них длинные «карандаши» авиационных ракет. Охрану штаба 11-й армии Вермахта ожидало хитрый «коктейль» из осколочно-фугасных, объемно-детонирующих и осветительных боеприпасов. А команду, готовящую вертолеты к вылету, трясло от возбуждения – чем дальше, тем сильнее. Ведь подготовленные ими машины

через пару часов пойдут в настоящий, а не учебный бой. А эти самые снаряды взорвутся не на полигоне в окружении мишеней, а среди лютых врагов, собрав с них обильную дань кровью.

Тем временем внизу, глубоко под палубой, спецназовцы готовились к рейду, надевали черную униформу без знаков различия и эмблем, которые могли бы идентифицировать их принадлежность к государству, пославшему их в бой. Бойцы подгоняли снаряжение, чистили и проверяли оружие и средства связи. Тут атмосфера была спокойней, разговоры велись вполголоса, перебиваемые лишь тихим лязгом и щелчками деталей при сборке оружия. Дело было даже не в том, что они не были возбуждены произошедшим. Нет, просто они были профессионалами, рабочими войны, и умели контролировать свои чувства. Здоровые, взрослые мужики: средний возраст бойцов – двадцать восемь-тридцать лет. Они повевали в Чечне, Южной Осетии, были признаны медиками и психологами годными к спецоперациям в Сирии. Таких бойцов – с сопоставимым опытом Испании, Халкин-Гола и финской войны – в данный момент в РККА были единицы.

В соседнем помещении совещались командиры. Полковник Бережной скинул свой щегольский серый гражданский костюм, и теперь, с полуседой головой, одетый в полевую униформу, напоминал Акелу, возглавляющего Стаю перед Большой Охотой.

Он сам поведет группу, состоящую из двух усиленных взводов, на захват штаба Манштейна. Рядом с ним, командиры взводов и адъютант – тот самый Бес, с которым Тамбовцев разговаривал, когда соединение проходило Гибралтар, а по совместительству еще и спарринг-партнер и боевой напарник полковника. Впрочем, Бесу предстоит не менее трудная работа в Евпатории...

На столе расстелили план села Сарабуз, где квартировал генерал, который в этом мире никогда не станет фельдмаршалом. Полковник обвел карандашом два объекта.

– Смотрите и запоминайте: вот здесь при советской власти была школа, а теперь там штаб 11-й армии. По ней работает третий взвод. Оттуда вы, капитан Зайцев, должны любой ценой вытащить все документы – все, до последней бумажки. Здание не поджигать и не взрывать. Насколько я знаю товарища контр-адмирала, через пару дней там снова будет школа. Теперь вот – правление плодоовощного колхоза. Тут немецкое офицерье устроило себе квартиры. Объект работает четвертый взвод старшего лейтенанта Голикова. Товарищ старший лейтенант, задача такая... Обязательно надо взять живьем самого Манштейна, его начальника штаба и начальника армейского узла связи. Интенданта армии я от вас не требую, поскольку эта служба расположена в самом Симферополе, и здесь они бывают наездами. Но если подвернутся под руку чины гестапо, СД, Абвера или других спецслужб – хватайте живьем не задумываясь. Сначала вертушки подвешат десяток осветительных «люстр», и лишь после того, как проявившие себя огневые точки противника подавят «ночные охотники» – повторяю, лишь только потом – десант. Всем все понятно?

Офицеры дружно закивали. Полковник посмотрел на часы.

– Двадцать два сорок два, время минус тридцать восемь минут. Выводите личный состав на исходную.

Ровно в 23:54 ударных вертолета Ми-28Н и четыре транспортно-штурмовых Ка-29 поднялись с палубы «Адмирала Кузнецова» и ушли в направлении Симферополя. На полпути к цели они выберут тихую уединенную поляну, вышлют в сторону Сарабуза группу доразведки и будут ждать условленного сигнала. Первый ход сделан, началась операция под кодовым названием «Ночная гроза».

День Д. 4 января 1942 года 23:20, Черное море, 35 километров западнее Евпатории. Тяжелый авианесущий крейсер «Николай Кузнецов»

Едва растаяли в туманной полутьме силуэты вертолетов группы полковника Бережного, как на освободившейся палубе снова поднялось оживление. На освободившееся место из ангара стали поднимать истребители-бомбардировщики Су-33. Второй (после уничтожения командования 11-й армии) задумкой адмирала Ларионова была операция под кодовым названием «Длинная рука». Она представляла собой схему поэтапного уничтожения Люфтваффе на южном крыле советско-германского фронта путем регулярных ночных налетов на аэродромы противника. По информации, найденной в военно-мемуарной литературе, были установлены аэродромы немцев, где в течение войны базировались самолеты Люфтваффе. Для уточнения этой информации в 23:55 в воздух поднялся первый Су-33, оснащенный подвесными топливными баками и контейнером с разведывательной аппаратурой. Говоря более понятным языком, эта машина, пролетая на семнадцатикилометровой высоте, видела по сто километров в стороны и на тридцать метров вглубь земли. Пилотировал самолет-разведчик майор Коломенцев – пилот, уже открывший на этой войне свой боевой счет.

Поднявшись в воздух, разведчик с набором высоты направился в сторону Севастополя. Адмирала Ларионова и оперативный отдел соединения хотели уточнить линию фронта вокруг города-героя. Особо ценными были съемки германских позиций в инфракрасных лучах. В зимнюю погоду такие фото есть прямое целеуказание для нанесения бомбоштурмовых ударов с целью поражения живой силы противника, ибо четко выявляет месторасположение окопов и блиндажей.

Сделав над Севастополем «круг почета», Коломенцев направился далее по маршруту Бахчисарай – Симферополь – Джанкой – Чонгар – Николаев – Херсон – Кривой Рог – Днепрпетровск – Донецк – Мариуполь – Мелитополь – Джанкой – Херсон – Николаев – Симферополь, и после более чем часового полета должен был приземлиться обратно на «Кузнецове».

Не успел гул двигателей одиночной «сушки» затихнуть вдали, а на старт уже начали выкатывать первую тройку бомбардировщиков. Из-за двадцати восьми РБК-500 (Разовые бомбовые кассеты), боевые самолеты казались домохозяйками с переполненными авоськами, возвращающимися с рынка. Их цель – аэродром в Николаеве, где базировалась 3-я группа 51-й бомбардировочной эскадры люфтваффе, бомбардировщики Ju-88А, штаб эскадры и штаб 4-го авиакорпуса.

Но прежде чем «сушки» поднялись в воздух, в эфир унеслась следующая радиограмма (зашифрованная кодом, использующимся для связи Ставки Верховного Главнокомандования со Штабом Севастопольского Оборонительного Района):

«абонент Хронос – тов. Иванову.

Отправлена: 00:05 05.01.1942 г.

Принята, расшифрована и зарегистрирована: 02:15 05.01.1942 г.

Верховному Главнокомандующему Вооруженными Силами СССР

товарищу Иосифу Виссарионовичу Сталину

Товарищ Сталин!

Мы, личный состав сводного соединения кораблей Балтийского, Северного и Черноморского флотов Российской Федерации, вышли на учения в Средиземное море в конце декабря 2012 года. По не зависящим от нас причинам мы переместились во времени и пространстве, и оказались в Черном море в окрестностях Севастополя 4 января 1942 года.

Как ваши прямые потомки, мы считаем себя обязанными принять участие в тяжелейшей войне советского народа с немецко-фашистскими захватчиками, и потому намерены оказать Советскому Союзу всю возможную помощь.

Наше соединение состоит из кораблей, оснащенных самым совершенным на наше время оружием. В том числе и таким, аналогов которого в вашем мире еще нет, и долго не будет. Флагманом соединения является тяжелый авианесущий крейсер, на борту которого базируется авиакрыло, состоящее из четырнадцати многоцелевых боевых самолетов и более двадцати вертолетов. В состав соединения входят четыре больших десантных корабля, и на них два батальона морской пехоты Балтийского и Черноморского флотов, оснащенные бронетехникой и средствами усиления. На грузопассажирском лайнере «Колхида» для участия в учениях по высадке десанта складировано большое количество сверхсовременного, даже по нашим временам, тяжелого вооружения.

Сегодня в 00:30 командование Севастопольского оборонительного района начинает Евпаторийскую десантную операцию, которая в нашем прошлом закончилась тяжелым поражением советских войск. Имея в своих руках такую мощь, мы не можем спокойно смотреть, как сражаются и погибают наши деды и прадеды. Мы пойдем в бой плечом к плечу с бойцами капитан-лейтенанта Красной Армии Бузинова. В операции примут участие палубная авиация, корабельное соединение и подразделения морской пехоты.

Кроме военной мощи и желания сражаться, мы обладаем информацией не только о текущих событиях этой войны, но и о планах немецкого и союзного командования на ближайшее время, и о многом другом, о чем мы, из-за конфиденциальности информации, не можем сообщить по радио даже в зашифрованном виде.

Мы просим Вас прислать своего представителя, которому Вы полностью доверяете, на флагманский корабль нашей эскадры для передачи сведений, имеющих особую государственную важность, и согласования дальнейших операций в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Командующий сводным соединением контр-адмирал Ларионов В. С.»

Передачик еще отправлял в эфир последние группы цифр, а с трамплина «Адмирала Кузнецова» одна за другой уже срывались в небо тяжелые машины. Первым на взлет со стартовой позиции номер два пошел майор Садыков, за ним с позиции номер один в небо поднялась машина капитана Гордина; пока он взлетал, газоотбойник на второй позиции успел опуститься, и через тридцать секунд с третьей позиции стартовал старший лейтенант Ганочкин – один из пилотов так называемого «молодого пополнения».

Они ушли, растворились в темноте, а неугомонные техники готовили к вылету следующую тройку, возглавляемую майором Хамбурдыкиным. Ее целью являлся аэродром в Херсоне, где базировалась 3-я группа 27-й бомбардировочной эскадры люфтваффе, укомплектованная бомбардировщиками He-111H. Группа майора начала взлет ровно в половине первого, а в ноль часов тридцать пять минут ее последняя машина оторвалась от родной палубы.

Предпоследней в воздух поднялась тройка, возглавляемая командиром авиакрыла полковником Хмелевым. Ее цель – одна из самых ответственных – одна из узловых железнодорожных станций Сталинского (Донецкого) узла, под завязку забитая эшелонами с горючим, боеприпасами, войсками. Задача – снести с лица земли эту станцию, ну а потом, в дальнейших налетах, еще и несколько ее соседок. Пусть у Клейста тоже немного поболит голова, тем более

что он единственный, кто хоть что-то способен перебросить на выручку 11-й армии в Крыму. Просто средство предосторожности.

Каждый самолет нес под брюхом по восемь полутонных объемно-детонирующих боеприпасов. Они будут у цели примерно через двадцать минут после взлета. Немецкие солдаты и офицеры, спящие в своих землянках, теплушках или стоящие на постах, еще не знали, что они уже умерли. Их смерть уже отмерена, взвешена и висит под крыльями самолетов XXI века. Оставшиеся им минуты жизни – это не более чем отсрочка исполнения приговора.

Вот тройка Су-33, снизилась до малых высот и совершив пологий вираж, вышла на станцию вдоль железнодорожных путей. Автопилоты отрабатывают режим огибания местности. Немцы, стоявшие у зенитных орудий, абсолютно ничего не слышат. Их смерть мчится впереди собственного звука...

Вот он, рубеж атаки. Бомбы отделяются от самолетов, позади них раскрываются маленькие парашюты, и на станцию горной лавиной обрушивается страшный грохот. Но это не сама смерть – это всего лишь ее герольд, возвещающий пришествие дамы в саване и с косой. А смерть бесшумно накрывает станцию ковром из длинных продолговатых предметов.

Немецкие зенитчики еще трясут контужеными головами, но все уже кончено. Взрыв единого поля из синхронно сработавших двадцати четырех ОДАБов был такой силы, что эту вспышку в полнеба видели даже советские бойцы на Миус-фронте. Следом громыхнули эшелоны с боеприпасами, предназначенные для 1-й танковой армии. Загоревшиеся эшелоны с горючим превратили станцию в настоящий ад. Полковник Хмелев, обернувшись, посмотрел на полыхающее зарево, расплывающееся на том месте, где только что была железнодорожная станция, ставшее братской могилой для сотен немецких солдат.

– Ну, с-суки, мы вам покажем, что такое НАСТОЯЩАЯ война!

Им еще надо было вернуться на авианосец, заправить и осмотреть машины, подвесить бомбы и совершить еще один вылет, а за ним еще и еще...

А на аэродромах Херсона и Николаева творился суший ад. В январе 1942 года единственным врагом немецких солдат в этих краях был только «генерал Мороз». Советские самолеты давно уже туда не залетали, а партизанское движение только начало разворачиваться, и всех прелестей горящей под ногами земли немецкие солдаты еще не успели узнать.

А этот русский мороз щипал уши, хватал пальцами за нос и холодными руками лез под тонкую шинель из эрзац-сукна. Фельдфебеля на него нет, чтоб он пропал! Так что немецкие солдаты, поживаясь, ходили вокруг выстроенных рядами самолетов с черными крестами на крыльях и паучьими свастиками на хвостовых оперениях. Расчеты зенитных пушек дежурили на своих постах. Хотя налетов советской авиации не было уже давненько, но орднунг есть орднунг!

Но и хваленый немецкий порядок не помог, когда над аэродромами люфтваффе совершенно бесшумно появились по три стреловидных краснотелесных тени. Потом на летное поле пал ГРОХОТ... А из-под крыльев нежданных ночных визитеров посыпались бомбы, рассыпаясь по пути веером сотен маленьких боевых элементов. Секунду спустя стоянки самолетов, позиции зенитных батарей, склады боеприпасов и ГСМ утонули в тысячах взрывов. На каждый аэродром было сброшено по двенадцать тысяч шестьсот килограммовых боевых блоков осколочно-фугасного действия. То, что осталось на стоянках от самолетов, выглядело так, будто боевые машины тщательно пропустили через шредер, а местами и не по одному разу. Крики раненых заглушались гулом пожара и грохотом рвущихся боеприпасов.

В соседних частях завывали сирены воздушной тревоги, наводчики зенитных орудий внимательно вглядывались в темное небо. Но они ничего не заметили. А «сушки», обогнув горящие немецкие аэродромы по широкой дуге, легли на обратный курс. Тем более что в этом мире их никто не мог догнать.

**5 января 1942 года. 03.00. Рейд Евпатории.
Борт катера МО-4 (бортовой номер СКА-042)**

Старший лейтенант разведотдела Черноморского флота Петр Борисов

Как я попал в десант? Да вот так и попал... Вызвали меня в штаб и сказали: пойдешь, мол, в Евпаторию. Капитан Топчиев собрал нас, разведчиков, и сказал, что командованию Севастопольского оборонительного района поступил приказ произвести высадку тактического десанта на Евпаторию, откуда в дальнейшем можно будет нанести удар на Симферополь, в тыл основной немецкой группировке. Какими силами, никто не знает, но наша задача – захватить Евпаторию и восстановить там советскую власть. Ну а за нами пойдет полк морской пехоты, который и доведет дело до конца.

Скажу честно, стало как-то не по себе: высаживаться так далеко в тылу врага... Но, по нашим разведанным, в Евпатории немцев не было – только румыны и татарские изменники. А вояки они еще те.

Вечером четвертого января началась погрузка на корабли десанта. Флагманом у нас там был БТЩ (быстроходный тральщик) «Взрыватель». На нем и шли основные силы. Ну, и еще семь «мошек» (катеров серии Морской Охотник) и один буксир. Всего десантников было человек семьсот. Были среди них и моряки с Дунайской флотилии, и пограничники, и наш брат-разведчик. Были даже милиционеры из Евпатории.

На буксир СП-14 погрузили две плавающие танкетки Т-37 и три 45-миллиметровые пушки.

Уже ближе к полуночи корабли с десантом вышли из Севастопольской бухты. Шли без огней, соблюдали светомаскировку. Да и за звукомаскировкой следили – катера двигались с подводным выхлопом двигателей. Волнения практически не было. В районе Севастополя что-то гремело, взрывалось и горело.

По пути к цели, командиры провели инструктаж, где каждой группе поставили задачу. Мы, разведчики, с приданными нам бойцами, должны были захватить и удержать Товарную пристань, а потом продвигаться в город, захватить артиллерийскую батарею на мысе Карантинный и электростанцию. А потом, как сказал капитан Топчиев, мы броском продвинемся в сторону кладбища и освободим наших военнопленных, которых там, в лагере, охраняли румыны.

А после был короткий митинг, где мы пообещали нашему народу и лично товарищу Сталину бить немецко-румынских захватчиков до последней капли крови.

Где то в час ночи, когда мы были уже на полпути, на море опустился туманный кисель, видимость сократилась метров до ста. С неба посыпалась мелкая морось, не пойми что – не то дождь, не то снег.

В два часа сорок минут наш катер подошел к точке разворачивания. Согласно плану, буксир с танкетками, наш СКА-042 и еще две «мошки» с десантом пошли налево. Тральщик «Взрыватель» с тремя МО двигался по центру, а еще два катера повернули направо.

Вот мы подошли к Торговой пристани. Сердце забило сильнее: сейчас начнется высадка... Катер довольно мягко ткнулся причал, и я, подхватив свою «светку», вместе с товарищами бросился на берег. Что удивительно, по нам никто не стрелял. В центре высадки, на пассажирской пристани, кто-то сдуру выпустил в небо красную ракету.

И тут такое началось! На всех высоких зданиях города: минаретах мечети, колокольных церквей, крышах гостиниц «Бо-Риваж» и «Крым» – зажглись прожектора. Стало светло как днем. Оглянувшись, я увидел, как с буксира выгружают пушки, при этом часть причала оказа-

лась разрушенной, и наши бойцы, стоя по грудь в ледяной воде, руками придерживали мостки, по которым артиллеристы спускали на берег сорокопятики.

Я аж зажмурился от обиды. Стало понятно, что немецкое командование ждало нашего десанта и основательно подготовилось. С минаретов и колоколен, из окон городских домов по улице Революции, зданий гимназии, гостиниц по нам ударили вражеские пулеметы. Почти тут же к ним присоединились минометы и артиллерийские батареи, расположенные на мысе Карантинном, на улице Эскадронной, возле складов «Заготзерно», и на Пересыпи, на Симферопольской улице.

Но недолго музыка играла... Позади нас в море раздался пульсирующий гром и рев. Я оглянулся и увидел, как сквозь туман пробиваются бело-оранжевые сполохи, будто там заработала грандиозная электросварка. Прямо на наших глазах на румынской батарее на мысе Карантинном (которая и была нашей целью) встал целый лес артиллерийских разрывов. Неизвестные корабли, накрыли артиллерийским огнем и минометную батарею у складов «Заготзерна». По румынской батарее на Пересыпи ударили чем-то страшным, по сравнению с которым наши Раисы Степановны, действие которых я наблюдал в Одессе, это просто детская хлопушка. Пламя взрывов, казалось, поднималось до небес. От грохота туман почти распался, и стали видны темные силуэты стоящих на рейде Евпатории крупных кораблей, что вели беглый артиллерийский огонь по вражеским позициям.

«Какие еще корабли, откуда они?» – подумал я. И тут, прямо над нашими головами со свистом и воем пронеслось нечто напоминающее большой винтокрылый автожир. Еще до войны я читал о них в журнале «Техника – молодежи». Почти над нашими головами эта машина выпустила реактивный снаряд по румынскому прожектору, находящемуся на крыше гостиницы «Бо-Риваж» и освещавшему пассажирскую пристань и буксир СП-14. Пламя ракетного выхлопа высветило на голубом брюхе винтокрылого аппарата большую красную звезду. Крыша гостиницы поднялась вверх, и обломки ее, медленно кружа в воздухе, стали падать на стоящие рядом домики.

Другие винтокрылые машины обнаружили себя, выпустив ракеты и открыв огонь из пушек по немецким и румынским пулеметам, в этот момент обстреливавшим корабли десанта из окон жилых домов, гимназии, гостиницы «Крым». Мы все, сорок здоровых глоток, единодушно заорали «Ура!», когда от каких-то удивительно, снайперски точных попаданий эрэсов вражеские огневые точки стали поочередно замолкать.

И в этот момент прожектора с пулеметами, расположенные на минаретах и церквях, вдруг развернулись в сторону опорных пунктов противника – зданиям гимназии и гостиниц «Бо-Риваж» и «Крым», залив их потоками света и перекрестным пулеметным огнем. Уже после боя я узнал, что проникшие заранее в город осназовцы взяли в ножи расчеты этих румынских огневых точек и по команде открыли огонь по противнику.

Капитан Топчиев хлопнул меня по плечу.

– Шевелись, Борисов, ишь, рот открыл, как в цирке! Это товарищ Сталин для немцев с румынами такую баню устроил, чтоб мы не скучали. А у нас еще одно задание есть – занять мыс Карантинный.

Бойцы тихо засмеялись, и отряд перебежками направился к подавленной артиллерией неизвестных кораблей румынской батарее.

Живых румын мы по дороге так и не встретили, так что и повоевать нам не пришлось. Сама батарея была разбита в хлам. Повсюду валялись обломки зарядных ящиков, разбитые станины и исковерканные стволы орудий. Дополняли картину изуродованные тела румынских артиллеристов. Ужас. Делать тут нам было уже нечего.

Правда, вид на эскадру, стоящую на Евпаторийском рейде, оттуда открывался просто великолепный. В сполохе разрывов и отблесках пламени было видно, как два больших корабля идут к берегу в сторону курортной зоны, да так быстро, будто собираются его таранить. Но вот

они сбросили ход, и неожиданно их носовые части стремительно раскрылись, словно ворота средневековых замков. И из внутренностей кораблей, рыча двигателями, окутанные сизыми клубами выхлопов, выехали танки неизвестной конструкции, с носами, похожими на острие стамески, и с приплюснутыми маленькими коническими башнями.

Я поднял к глазам бинокль. Интересно... Из башни торчали сразу два орудия: одно большое, второе – поменьше. Или это у них накатник такой? Нырнув в воду, танки поплыли в сторону ближайшего пляжа. За ними из подошедших к берегу кораблей вышли еще несколько таких же машин. Когда с берега по ним ударила пара румынских пулеметов, в ответ загрохотала пушка головной машины, калибром этак в восемьдесят пять миллиметров, а может, и все сто. Пулеметы заткнулись и больше не возражали против высадки. Короче, на привычные нам плавающие танкетки Т-37 эти танки были так же похожи, как автомобиль ЗиС-5 на телегу.

Сняв фуражку, капитан Топчиев провел рукой по коротко стриженной голове.

– Вечер перестает быть томным, товарищи, и в первую очередь для немцев. А мы с вами продолжим выполнение нашего задания и попробуем найти того, кто сможет ответить нам на пару интересных вопросов.

Следующей нашей целью был захват электростанции. Когда мы уходили с разбитой береговой батареи, я оглянулся на пассажирскую пристань. Бой на улице Революции почти угас, здание гимназии и гостиница «Бо риваж», очевидно, уже были в наших руках, и только гарнизон гостиницы «Крым» продолжал вялое сопротивление. Неподалеку разъяренными осами крутились два винтокрылых аппарата, время от времени выпуская по обнаружившей себя огневой точке реактивный снаряд. Там все шло нормально, было очевидно, что с такой поддержкой румынский гарнизон скоро додавят.

Нам беспрепятственно удалось дойти почти до самой электростанции. Но когда мы уже вплотную приблизились к ее ограде, в голове колонны из темноты послышался срывающийся на фальцет голос:

– Стой, кто идет?

– Свои! – ответил наш командир. – Идет капитан Топчиев, разведка Черноморского флота.

Ответ часового был странным:

– Свои ночью дома сидят! Пароль!

Не успел капитан Топчиев подумать о странном часовом и что-то ответить, как в разговор вмешался чей-то бас:

– Кто там шастает, Еремин?

– Моряки, товарищ сержант, местные... – ответил фальцет.

Тут у меня от сердца и отлегло. А то наши бойцы успели договориться до того, что, мол, беляки это снова в Крыму высадились, а корабли у них из Америки, потому что у нас таких нет.

Я ответственно заявляю, что любому беляку наше слово «товарищ» – как острый нож по языку, а этот Еремин так спокойно говорит: «товарищ сержант». Нет, наши это. Только как этот Еремин в такой темноте увидел, что мы моряки? И почему мы местные? А впрочем, действительно, местных, евпаторийских, среди нас немало.

– Чудак ты, Еремин! – продолжил сержантский бас. – Откуда они наш пароль знать могут? Спасибо, что не стрельнул сдуру. Товарищ капитан, все в порядке, идите сюда, с вами наш командир поговорить хочет.

В темноте вспыхнула ярко-синяя точка, указывающая нам путь.

Электростанция уже была захвачена бойцами, одетыми в невиданную нами ранее пятиугольную полевую форму без знаков различия. Бойцы, что занимали посты по периметру, были вооружены незнакомыми нам короткими карабинами с длинным изогнутым рожком снизу. У ворот стоял давешний плавающий танк, возле него совещались командиры, разглядывая карту при свете таких же синих фонариков. Еще два танка стояли в глубине двора. Во дворе кое-

где валялись мертвые румыны, а также несколько трупов в гражданской одежде и с белыми повязками.

Капитан Топчиев резко остановился.

– Кто это? – спросил он у сопровождавшего нас сержанта.

– Общество добровольных вооруженных татарских помощников третьего рейха. Предатели, одним словом, – пожал тот плечами. – Перед операцией поступила команда эту сволочь в плен не брать.

– Понятно. – Передернув плечами, капитан двинулся дальше, оглядываясь по сторонам.

Когда мы подошли к совещающимся командирам, сержант отрапортовал:

– Товарищ капитан, прибыла группа разведчиков черноморского флота во главе с капитаном Топчиевым.

От группы командиров отделился коренастый командир средних лет: странная круглая каска была сдвинута на затылок, под расстегнутым на груди бушлатом виднелась наша морская душа – тельняшка. Он был значительно старше нашего капитана и, очевидно, уже успел повоевать. Лицо его пересекал тонкий шрам как от осколочного ранения, а в глазах под очками было написано такое... словом, там можно было прочесть, в какой позе и сколько раз он имел этих немцев, румын и татарских изменников Родины.

Козырнув, он представился:

– Капитан Рагуленко, командир второй роты морской пехоты отдельной десантно-штурмовой бригады особого назначения. И не задавай лишних вопросов, капитан Топчиев. Бригада подчинена напрямую Ставке Верховного Главнокомандования, и все, что вам нужно о нас знать, вам расскажут уже после операции. А сейчас нам нужна прямая связь с командующим вашего отряда капитаном 2-го ранга Буслаевым Николаем Васильевичем. Нам необходимо согласовать дальнейшие действия, во избежание потерь от огня своих же.

– Товарищ капитан, – отрезал наш командир, – капитан 2-го ранга Буслаев находится на тральщике «Взрыватель», и прямой связи с ним у нас нет.

– Вот дерьмо! – выругался командир осназовцев. – Я так и знал, что где-то здесь зарыт каменный топор! Товарищ Топчиев, прошу вас... – Командиры осназа расступились, давая нам место возле карты города. – Вот, смотрите. Тут, в центре высадился батальон капитан-лейтенанта Бузинова. Фронт высадки первого эшелона вашего десанта, фактически совпадает с Набережной и улицей Революции. Ваша группа находится на крайнем левом фланге высадки... – Топчиев кивнул, и Рагуленко продолжил: – Наш батальон в составе двух рот морской пехоты с техникой и батареи плавающих самоходных гаубиц высадился на всем протяжении пляжей Курортной зоны. В центре, на набережных, наши машины просто не смогли бы выйти на берег. Сейчас мы с вами на самом правом фланге нашего батальона. Наша задача, взаимодействуя с вашим левым флангом – то есть с вами, капитан – занять Курортную зону, освободить лагерь военнопленных, и в районе Нового города соединиться с третьей ротой, которая будет высаживаться в районе Пересыпи. Общая задача – захват и удержание Евпатории. И ни один пособник фашистов не должен уйти из города. Ну если только под конвоем.

Как мне показалось, капитан Рагуленко что-то недоговаривал. Но, услышав слова «отдельная бригада особого назначения», я решил не задавать лишних вопросов. У них служба такая. Сказано взаимодействовать – будем взаимодействовать, а об остальном пусть у начальства голова болит.

В этот момент наш командир кивнул: он явно пришел к тому же выводу. Товарищ Рагуленко махнул кому-то рукой, и моторы танков завелись, стрельнув в нашу сторону горячим соляным выхлопом.

– Ну что же, товарищи, добро пожаловать на броню. И вперед, на врага.

5 января 1942 года. 01:35

Корреспондент ИТАР-ТАСС Тамбовцев Александр Васильевич

Я таки сбежал на войну. Произошло это следующим образом. Прикинувшись ветошью, я стал помогать своим коллегам из съемочной группы канала «Звезды» подтаскивать кофры и баулы к вертолету Ка-27ПС, который должен был доставить тележурналистов на БДК «Калининград». А потом, когда вертолет уже был готов оторваться от палубы «Адмирала Кузнецова», внаглую забрался на борт «вертушки». Андрюха Романов, увидев мой рывок, жизнерадостно заржал и похлопал меня по плечу. А Ирочка Андреева растерянно пробормотала:

– Александр Васильевич, и вы с нами?

– Ага, – коротко ответил ей я, устраиваясь поудобней на сиденье вертолета.

Лететь было всего лишь пять минут. Вот мы уже зависли над палубой БДК. Бортмеханик распахнул боковой люк и приготовил люльку. Поскольку на палубе десантного корабля нет места для посадки вертолета (пусть даже такого маленького, как Ка-27), нам предстояла малоприятная процедура спуска.

Первой за борт, тонко пискнув, отправилась наша Ирочка. Я взглянул вниз. Поднятый винтами смерч растрепал ее черные выующиеся волосы. Я шел вторым. Уж не помню, в каком году последний раз я так висел в воздухе. Кажется, в 2003-м, на Кавказе. Только тогда меня не спускали, а поднимали, и над головой у меня висел увешанный вооружением Ми-8АМТ.

Спустив Андрюху вместе с его драгоценной камерой, вертолет наклонил нос и быстро ушел в сторону крейсера «Москва». Кроме нас, на борту были еще пассажиры, только вот на «Москве» есть посадочная площадка, и они придут на место с определенным комфортом, как «белые люди».

Пока наша Ирина приводила в порядок свои растрепанные кудри, к нам подошел офицер морской пехоты в очках.

– Товарищи журналисты, – сказал он, – я – командир роты морской пехоты, капитан Рагуленко Сергей Александрович. Прошу следовать за мной.

По крутым и узким трапам мы спустились в просторные недра этого железного монстра-танковоза. Пахло солярой, машинным маслом и еще чем-то неуловимым, отчего у настоящего мужчины начинает щекотать в носу и хочется встать по стойке «смирно».

Перед дверью одного из кубриков офицер остановился.

– Значит, так, товарищи журналисты. Согласно приказу нашего адмирала, я отвечаю за вашу жизнь, здоровье и безопасность. А значит, как говорил в таком случае Христос, предохраняйтесь...

С этими словами он распахнул дверь кубрика, оказавшегося импровизированной ротной каптеркой. Чего там только не было: маскхалаты, каски, бронежилеты, и прочие необходимый бойцу для войны инвентарь.

Через пятнадцать минут мы были экипированы как настоящие морские пехотинцы: бронежилеты, береты, каски, маскхалаты... Ага, это мои спутники думали, что они похожи на морпехов, но я-то прекрасно понимал, что все мы сейчас выглядим как ряженные на дешевом маскараде.

– Товарищ капитан, – робко обратилась ко мне Ирочка, когда мы вышли из каптерки (бедняжка, она задыхалась под тяжесть бронежилета и каски), – а когда это Христос велел предохраняться? Вроде там было написано «плодитесь и размножайтесь»...

Мы с Андреем переглянулись: только философских диспутов, до которых журналистка Ира Андреева была сама не своя, нам сейчас и не хватало.

Но все обошлось...

– А разве не он сказал «береженого Бог бережет»? Даже если и не он, то мне такие тонкости знать не обязательно... – Остановившись, капитан Рагуленко указал на трап который вел еще ниже. – В кубрик вам идти не обязательно – все равно ребята уже грузятся на машины. Прощу!

Мы спустились на самое дно трюма и пошли вдоль ряда БМП.

– В бой пойдете вместе со мной, – сказал капитан Рагуленко, – на командирской машине есть свободные места.

Капитан повел нас дальше вперед. Морские пехотинцы, мимо которых мы проходили, в своих камуфляжных комбезах и бронежилетах похожие на робокотов, занимались своими, непонятными нам делами, лишь изредка бросая в нашу сторону любопытные взгляды. В основном они постреливали глазами в сторону симпатичной Ирочки.

Наконец мы пришли на место. Боевая машина с большим номером «100» на корме стояла первой в ряду. Дальше нее были только плотно закрытые створки десантного люка. Внутри было темно и тесно, под потолком синеватым светом горела лампочка.

Я глянул на часы. Два тридцать пять ночи – спецназ ГРУ уже действует в городе. Да и с Манштейном уже должны начать решать вопрос. До начала десанта осталось всего где-то тридцать-сорок минут.

Стараясь рационально использовать отпущенное время, я привалился головой к броне и задремал. Солдат на войне спит все то время, когда ему позволяют противник и собственное начальство. А если он не стремится заснуть по любому поводу, значит, нагрузки недостаточны, и надо добавить.

Проснулся я от резкого рывка. Работал двигатель, и машина начала движение. Вот она наклонилась носом вперед и нырнула. Ирочка взвизгнула; мне показалось, что мы вот-вот камнем пойдем ко дну. Но все кончилось хорошо. Выровнявшись, БМП погребла к берегу. Я принял к бортовому триплексу. Открывшаяся по левому борту панорама Евпатории светилась как новогодняя елка. На улицах города вспыхивали огоньки разрывов, небо расчерчивали цепочки трассеров, кое-где ярко горели дома. Шел бой.

Вот несколько трассирующих пуль пролетели и над нашей головой. Свиста их я, конечно, не слышал... но все равно неприятно.

– Кандауров, – донесся голос капитана Рагуленко, – пулеметные гнезда видишь?

– Так точно, тащ капитан, – ответил из башни наводчик.

– Дай ему осколочно-фугасным прямо в лоб, чтоб не встал... – скомандовал капитан.

Их переговоры едва были слышны из-за шума двигателя, но я все понял. Два раза бухнула стомиллиметровая пушка, и настырный пулемет оставил нас в покое. Еще несколько минут, и гусеницы БМП зацепили дно Каламитского залива. Резко рванувшись, командирская БМП выскочила на пляж. Вслед за ней на берег вышли и остальные машины роты. Распахнулись десантные люки, и морпехи горохом посыпались на берег. Спешились и мы.

– Скала, я Слон, вышел на берег в точке «Д», «Прием»... – Капитан Рагуленко чуть склонил голову, видимо, слушая в наушниках ответ. – Так точно, вас понял, действую по плану.

Отключив связь с командиром батальона, капитан вызвал своих взводных.

– Первый взвод со мной, остальные по параллельным улицам. Контакта друг с другом не терять, вперед не вырываться и не отставать.

Опустив на глаза ноктоскопы, бойцы короткими перебежками, от укрытия к укрытию, двинулись вперед. Следом за ними тронулись с места и БМП.

Мне тоже выдали такой приборчик, слегка похожий на театральный бинокль. Ночь в нем превращалась в мутные сероватые сумерки. Тихо урча на малых оборотах, БМП ползли следом за нами.

Следующим нашим объектом была портовая электростанция. Кривая улочка Старого города вывела нас едва ли не к самым ее воротам. Электростанцию охраняли румыны. Их легко узнать по высоким кеги, похожим на недоделанные буденовки. Перед проходной из мешков с песком было сложено пулеметное гнездо, в котором в полной боевой готовности сидели три мамалыжника.

– Поехали! – выдохнул капитан и взмахнул рукой.

На фоне артиллерийского обстрела, который вела «Москва» по каким-то целям в городе, выстрелы из «калашей» с ПБСами прозвучали совсем неслышно. Румыны бесформенными кулями осели в пулеметном гнезде. Первые две пары морских пехотинцев рванулись к воротам словно призовые олимпийские спринтеры. Вот они уже под стеной проходной...

В деревянной будке светилось окно. Очевидно, внутри находился парный пост. Что было дальше, нам с Ириной рассказывали сами участники событий, потому что ни на какой штурм капитан, конечно, нас не отпустил. Это от адмирала можно удрать на войну, а от такого волчары нет.

Убедившись, что все спокойно, сержант Тамбиев тихонько подергал дверь проходной – заперто. Недолго думая, он постучал... и, надо же, румыны открыли. Ну да, как же можно не открыть – ведь прямо перед дверью сидят их пулеметчики. И кругом было все тихо, никакой стрельбы поблизости...

Увидев вместо боевого товарища размалеванное жутким ночным камуфляжем лицо уроженца далекой Бурятии, молоденький румынский солдатик с перепугу сомлел словно институтка. Что, в общем-то, и спасло ему жизнь. Уже предназначенная ему пуля из пистолета с глушителем угодила в лицо толстому борову, сидящему за конторкой. По всей видимости, тот был унтером или даже фельдфебелем – нижних чинов с такими габаритами не бывает ни в одной армии мира.

Еще одна пуля досталась смуглому типу в штатском, с белой повязкой на рукаве, дремавшему в углу в обнимку с винтовкой. Сержант прислушался. Стояла тишина. За его спиной в помещение беззвучными тенями проникали товарищи. Полицая для «контроля» выстрелили в голову. Сомлевшему румынчику затолкали в рот его же кеги и стянули за спиной руки его собственным ремнем. Немного подумав, сержант расстегнул ему штаны, и опустил их до колен. Теперь, если он очнется и попробует бежать, со связанными руками и спущенными штанами далеко не уйдет.

Дальше все было делом техники. Бойцы рассыпались по плохо освещенному двору, убивая всех, кто был одет в румынскую форму, или кто носил на рукаве белую повязку «шутмана». Ночью, молча, без криков «ура», но с ледяной яростью людей, уверенных, что делают святое дело. Да и немного их там было – еще один румынский офицер и пара солдат, а остальные полицаи.

Особенно запомнился бойцам случай, произошедший в машинном зале электростанции. Молодой татарин в поношенном немецком кителе и с белой повязкой на рукаве, увидев ворвавшихся в зал морпехов в их устрашающем ночном гриме, и направленный на него ствол «калаша», уронил на пол винтовку и заорал:

– Не убивай, рюсский, жить хочу!

– Где-то я уже слышал эти слова... – Капитан покрутил головой и вздохнул. – Кажется, ничего не меняется под луной... – Быстрым движением он поднял на ноги вопящее тело предателя. – Жить, говоришь, хочешь?! Значит так, сучонок! Ты награждаешься почетным званием предателя-юниора, и в придачу государственной премией в виде восьми граммов свинца с занесением ее в черепную коробку. Сержант, выдай этому кадру его награду!

Сержант Тамбиев быстрым движением сунул полицаю ствол автомата под челюсть, и нажал на спуск. Крики о пощаде стихли.

Тем временем БМП взвода въехали во двор. Капитан Рагуленко обвел взглядом собравшихся во дворе рабочих электростанции.

– Значит, так, товарищи. Пункт первый – поздравляю вас с освобождением от оккупантов и с восстановлением советской власти. Пункт второй – организация отряда рабочей самообороны. Мы тут с бойцами немного намусорили. На территории вашего предприятия и в окрестностях валяется некоторое количество румынского и немецкого стрелкового оружия. Прошу собрать все это стреляющее железо, среди которого имеются даже два пулемета, и самостоятельно охранять электростанцию до полного восстановления советской власти. На этом торжественный митинг разрешите считать закрытым.

– Что, вот так просто взяли и освободили? – недоуменно моргая, спросил высокий худой техник средних лет.

– Да, просто освободили! Нас, понимаете ли, сложно освобождать не научили, – усмехнулся капитан. – Может ты, приятель, знаешь, как это сложно – освободить? – Двор грохнул дружным смехом. – Значит так, товарищи: разбирайте оружие и занимайте посты. У вас своя работа, у нас своя. По городу еще неубитые немцы с румынами бегают, да предатели всякие. Они еще жить хотят, а это неправильно... Товарищи командиры и сержанты, собираемся у моей машины, маленький разбор полетов.

И в этот момент за забором послышался крик:

– Стой, кто идет?

5 января 1942 года. 03:35. Евпатория

Старший лейтенант разведотдела Черноморского флота Петр Борисов

Я подошел к подрагивающей и тихо урчащей командирской машине. Кто бы знал, как надо на нее забраться... Эх, была не была... глянул, как ловко запрыгивают на броню «пятнистые» осназовцы – поставил ногу на гусеницу, уцепился за протянутую руку в странной кожаной перчатке с обрезанными пальцами – и... И вот я уже наверху, грею свою задницу на теплой крышке моторного отсека. А приятно, черт побери, особенно в такую холодную ночь.

Рядом устраиваются бойцы ОСНАЗа. Оказывается, они только кажутся такими широкоплечими, потому что на них надето что-то вроде противопульной кирасы, а еще любопытные жилеты – без рукавов, с множеством карманов, набитых всякой всячиной. Но в основном они нагрузились боеприпасами. Это какой же умный человек придумал такую удобную вещь? Ведь в подсумках на ремне много всякого не утащишь, а тут, считай, носимый боекомплект втрое-вчетверо увеличить можно. За такую выдумку и Сталинской премии не жалко.

Пригрелся я, сидя на теплой броне, и уже начал было кемарить, как тут слышу звонкий девичий голос:

– Товарищ командир, будьте добры, руку дайте!

Смотрю вниз – и что я вижу! Стоит красавица писаная: щеки румяные, глаза черные, каска эта круглая, чуть ли не на нос съезжает. И говорит она мне:

– Да-да, молодой человек, это я вам! Подайте, пожалуйста, руку девушке.

Тут мне краска в лицо бросилась, прижал я к себе свою «светку» левой рукой, чтоб не выронить, а правую подал этой красавице. Коротко пискнув, она взлетела наверх.

– Андреева Ирина, военный корреспондент, – представилась девушка и протянула мне ладонь.

– Петр Борисов, старший лейтенант... – Я торопливо стянул с руки шерстяную варежку, чтобы пожать ее руку. – Будем знакомы.

Я уже хотел было спросить, от какой газеты ее командировали на фронт, но тут над нами с оглушительным гулом низко пролетел один из винтокрылых аппаратов. В этот момент кинооператор, снимавший происходящее, опустил свой аппарат, в два прыжка добежал до нашей машины и запрыгнул на броню, усевшись рядом с корреспонденткой. Стало очень тесно; острый локоток Ирины уперся мне в бок, прямо под ребро. Мотор взревел, машина дернулась, и мы поехали...

Я огляделся. Кроме меня, на этой машине оказалось еще восемь моих разведчиков, три корреспондента и три осназовца. Остальные осназовцы быстрым шагом, иногда переходящим на бег, плавно, как кошки, перемещались вдоль заборов и стен домов. Я попытался вспомнить план города, который нам показывали перед операцией.

Точно – мы двигались к улице Революции, на соединение с главными силами десанта. Проехали мы так не больше двух кварталов, как нас обстреляла группа румын на перекрестке – кажется, со Школьной улицы. Мы все моментально спрыгнули с брони, укрывшись от огня за бортом машины. Я уже собрался было открыть огонь из своей «светки» в сторону врага, но не успел. Наш танк моментально развернул свою башню, и... То, что я считал длинным накатником, оказалось скорострельной автоматической пушкой. Пульсирующее оранжевое пламя на срезе ствола, бьющий в уши грохот. На моих глазах очередь из осколочных снарядов буквально вымела румынское пехотное отделение из подворотни, где те укрывались. Группа осназовцев перебежками, прикрывая друг друга, вдоль стен бросилась в сторону румын. В наступившей тишине прозвучало несколько одиночных выстрелов.

Тем временем я заметил, как метрах в двухстах от нас на следующий перекресток выехал еще один такой же танк. Стало понятно, что бригада осназа методично, словно железной цепью, отжимает фашистов от берега. Они все делали так – вроде бы спокойно и не торопясь, но если присмотреться внимательнее, то получалось, что все делалось быстро, просто эти люди не суеились, так как каждый из них знал, что ему делать в данную минуту.

Внезапно стрельба в городском квартале впереди нас стала запыленной. Взрывы гранат перемежались криками «Ура!» и «Полундра!». Капитан Рагуленко, стоявший рядом со мной, как-то странно наклонил голову, будто к чему-то прислушивался, потом огляделся по сторонам.

– Так, товарищи, командиров ко мне, и сержантов тоже! – отдал он команду.

Через пару минут все командиры, включая и командира нашего отряда, собрались у головной машины.

– Значит, так, товарищи, обстановка следующая. Впереди, на углу проспекта Ленина и улицы Дмитрия Ульянова, в капитальном доме закрепилось до взвода румын, а может даже, и больше, кто их сейчас сосчитает. Наши уже несколько раз атаковали, но пока безрезультатно. Наши несут большие потери. У «Аллигаторов» БК на исходе, так что они пока нам помочь ничем не могут. Задача – выдвинуться к указанному перекрестку и уничтожить опорный пункт противника, при этом часть второго взвода ударит вдоль проспекта румынам в тыл. Все понятно?! – Он повернулся к капитану Топчиеву. – Товарищ капитан, я, конечно, не могу вам приказывать, у вас свое начальство... Но есть просьба... Не могли бы вы послать вперед своих людей, чтобы некоторые ваши особо гордые орлы не открыли с перепугу по нам стрельбу?

– Конечно, можно. – Взгляд командира упал на меня. – Борисов, бери свою группу, и пулей вперед. Предупреди там кого надо, что мы идем на подмогу.

Когда я со своими разведчиками добежал до места схватки, то там как раз захлебнулась очередная, третья атака. Лейтенант, что командовал ротой, штурмовавшей перекресток, был тяжело ранен, его замещал старшина первой статьи – очевидно, из сверхсрочников. Увидев три моих кубаря, он весь приободрился и подтянулся – очевидно, рассчитывая, что я приму командование и сниму с него этот тяжкий груз.

– Товарищ старший лейтенант... – начал было он свой доклад, но у меня были совсем другие планы (хотя выяснить, что происходит, совсем не помешало бы).

– Представьте как положено и доложите обстановку, – одернул я его.

– Временно исполняющий обязанности командира роты старшина первой статьи Иван Антонов, – отрапортовал старшина. – Роте поставлена задача овладеть перекрестком проспекта Ленина и Дмитрия Ульянова и двигаться дальше в сторону Нового города. Противник оказывает сильное сопротивление, мы никак не можем взять этот дом. Румыны отбили уже три наших атаки. До половины личного состава роты убито и ранено.

– Атаки временно прекратить, сюда идет подкрепление, ОСНАЗ с танками, – ответил я.

– С какими такими танками, товарищ старший лейтенант? – не понял старшина, но в это время за нашей спиной раздался шум, лязг гусениц, и на улицу выползла первая машина. Вряд ли румыны что-то видели, и пулеметный огонь они открыли, скорее всего, больше на шум.

– Нашими танками, товарищ старшина... – торжествуя, сказал я.

Мы оба прижались к стене, а над головами у нас засвистели пули, с противным визгом рикошетируя от стен. В ответ сверкнула оранжевая вспышка выстрела и грянул гром. Секунду спустя разрыв снаряда заставил пулемет замолкнуть. Вслед за первым на перекресток выдвинулся второй танк, и они попеременно повели обстрел дома, превращенного во вражеский опорный пункт. Гремели артиллерийские выстрелы, взрывы снарядов проламывали в стенах сквозные дыры, а тем временем осназовцы под прикрытием артиллерийского огня и густых клубов известковой пыли своей плавной рысью, перебежками, не торопясь приближались к зданию.

– Действительно же танки, наши танки... – прошептал старшина и присел на корточки, опершись спиной на пыльную стену.

Я опустился рядом на одно колено, держа свою «светку» наизготовку. Но моя помощь не понадобилась: как раз в это время осназовцы сблизилась с домом метров на пятьдесят, после чего пушки замолчали.

Наступила оглушительная тишина. Собравшиеся вокруг нас бойцы десанта заворожено наблюдали, как коренастые фигуры стремительным броском нырнули в клубы пыли. Потом из дома раздалось несколько коротких автоматных очередей и одиночных выстрелов. Опорный пункт был взят. После трех минут обстрела и совсем без потерь. Я потряс старшину за плечо.

– Слышь, старшина, скажи своим бойцам, что, кроме нашего десанта, тут целая эскадра. В городе высажена кадровая штурмовая бригада ОСНАЗа с плавающими танками. Румынам и немцам теперь полный каюк.

Тем временем пыль потихоньку осела, и через несколько минут из дома вышел осназовец и пошел к нам. По чуть сдвинутой на затылок каске, очкам и расстегнутому бушлату я узнал капитана Рагуленко. Так это он, получается, сам повел в атаку штурмовую группу?! В этот момент мне отчаянно захотелось иметь такого же командира. Нет, не могу сказать, что капитан Топчиев плохо командует, но ротный у осназовцев – это что-то запредельное.

Между тем из разрушенного здания вышли и остальные бойцы осназа, все восемь. Они сделали румын совершенно без потерь. И так же, не торопясь, они направились в нашу сторону.

В наступившей тишине стали слышны стоны раненых. В трех бесплодных атаках наши товарищи потеряли не менее полусотни бойцов и младших командиров, и многие, чуть ли не половина из них, были еще живы... Товарищи перевязывали их индивидуальными пакетами, хотя для многих это, очевидно, было лишь продление мучений.

Когда Рагуленко подошел к нам, вдруг заговорила журналистка:

– Товарищ капитан, этих раненых надо немедленно эвакуировать. Пожалуйста...

– Знаю, Ира... – Капитан устало сел рядом с нами у стены. – Только здесь узкие улицы, и вертушка не сядет – слишком мало для нее места... Ближайшая пригодная для посадки площадка – это тот пляж, откуда мы пришли. По законам войны один раненый забирает у

армии еще и двух здоровых, которые нужны, чтобы эвакуировать раненого с поля боя. А у воюющих своя задача.

– Вы же выполнили нашу задачу, товарищ капитан, – прохрипел старшина.

– Тогда уже легче... – Командир осназовцев поднялся на ноги. – Выделите людей для доставки раненых в порт, оттуда их направят в госпиталь. А у нас еще есть дела...

Как там было все у гостиницы «Крым», я не знаю точно, потому что капитан Топчиев оставил меня для помощи в эвакуации наших раненых. Мы сопровождали бойцов, переносивших носилки, на пляж, откуда их забирал маленький пузатый аппарат, сразу прозванный бойцами «бегемотиком». Он совсем не был похож на те грозные машины, что подавляли врага огнем, но, быть может, он спас не меньше жизней наших бойцов, чем они. Около пяти часов ночи, когда мы отправляли последнюю партию раненых, нам сообщили, что Евпатория полностью очищена от оккупантов, и в ней восстановлена советская власть.

5 января 1942 года. Евпатория, около 4 часов утра

Спецкор ИТАР-ТАСС, Александр Тамбовцев

Так, на броне БМП морских пехотинцев, мы и въехали в город. Какие впечатления? Да в общем-то все было похоже не на бои за город, а на зачистку во времена 2-й Чеченской. Правда, это была «зачистка-лайт». Тут не было гранатометчиков со снайперами, растяжек и прочих взрывающихся подлянок.

Да и румыны – вояки еще те. С чеченцами их не сравнить. «Чехи» были умелыми бойцами: обучение наше, еще со времен Советской Армии, да и не такие бздиловатые, как «храбрые потомки римлян». Те или сразу драпали, или дожидались, пока их как следует уконтропупят огнем из БМП или «граников», после чего дружно сдавались.

Не успел капитан Рагуленко со своими бойцами размазать по земле румынский опорный пункт в будущем помещении городской администрации на подступах к Театральной площади, как мы услышали короткое сообщение по радио о захвате здания гестапо, которое немцы разместили в курортной поликлинике. Нашей Ирочке прямо-таки втемяшилось посетить сие злочное место... Но капитан Рагуленко ни в какую не хотел отпускать нас из-под своей опеки.

– Товарищ капитан! – кричала на него Ирочка. – Вы же понимаете, как это важно с политической точки зрения!

– Нет, нет, и нет, товарищ Андреева, – с легкой улыбкой отвечал наш ангел-хранитель, – мне вас доверили, и никуда я вас не отпущу, пока не сдам обратно, с рук на руки. Мало ли какая недобитая шваль по городу болтается – румыны, татары; да и уголовничков, говорят, немало. А вас же только ленивый не обидит.

– У нас, между прочим, тоже свое задание, а вы нам мешаете его выполнять! – Ирочка схватила капитана за руку. – Сергей Александрович, нам нужно туда, понимаете...

– Хорошо, – вздохнул тот, – я попробую связаться с адмиралом. Но ничего не обещаю...

На удивление, ответ адмирала был прост и крайне короткий:

– Капитан Рагуленко, дай им одну БМП с отделением понадежнее, и пусть ездят по городу, делают свое дело. И пусть закрепленный КомОд постоянно отчитывается лично тебе, где они и что они. Задание понятно, товарищ капитан? Исполни!

Надеясь на совсем другой ответ, капитан переключил рацию на громкую связь и теперь выглядел, мягко говоря, ошарашенным.

Но приказ есть приказ. Так мы получили свободу передвижения и личную охрану. Вот теперь перед нами стоит командир самого надежного отделения, старшина контрактной службы Ячменев. Не очень высокий, но с широкой бочкообразной грудью и сильными длин-

ными руками. А еще у него были рыжий чуб, выбивающийся из под каски, и какое-то волчье чутье на опасность... Вот с ним и его ребятами мы, журналисты, и колесили по всему городу. Вдобавок два капитана посоветовались, и во избежание лишних недоразумений от группы капитана Топчиева к нам был прикомандирован старшина Потапенко. Мужчина солидный и основательный, как чумацкая повозка, запряженная волами.

Помню, проезжали мы мимо сквера, который был превращен в импровизированный пункт сбора военнопленных. Там в детской песочнице сидело на корточках десятка два до смерти перепуганных румын, под охраной всего трех гражданских с винтовками. От пленных остро воняло потом, мочой и фекалиями. Они дрожали от ужаса, ожидая жуткой расправы.

Я попросил механика-водителя остановиться около пленных и спросил у них, знает ли кто русский язык. Они немного пошептались, после чего с разрешения конвоиров от группы отошли двое расхристанных рядовых. Вояки сказали, что они не румыны, а молдаване, что их насильно мобилизовали в армию. После чего жалостливыми голосами затянули песню про то, что «сами они нездешние, папы нет, мамы нет, дети голодные, документы украли, а дедушка – на вокзале...» Тьфу, это уже из другой оперы, но удивительно похоже...

Более или менее серьезное сопротивление оказывали лишь немногочисленные немцы и некоторые татары-шуйцы. Татары уже каким-то образом пронюхали о том, что ни моряки-черноморцы, ни наши морские пехотинцы их в плен не берут, и дрались с яростью обреченных. Ну и пусть, зато в этом мире не будет ни «мемориалов», ни памятников «незаконно депортированным народам».

Где-то в районе санатория «Ударник» мы встретились с группой разведчиков Черноморского флота, возглавляемой капитан-лейтенантом Литовчуком – оказалось, что им тоже туда... вообще-то штурм гестапо был их задачей, но суета этой ночи сделала свое дело, и они слегка отклонились от маршрута. С помощью старшины Потапенко мы быстро нашли общий язык и двинулись дальше.

Несмотря на потери, моряки десанта воевали азартно и храбро. Как действует кураж на людей! Видя бегущего противника, видя нашу технику, которая громила противника, не давая ему высунуть носа, видя наших грозных морских пехотинцев, без потерь уничтожающих румын, немцев и татар, десантники почувствовали себя как бы тоже причастными к нашей грозной силе, и шли в бой лихо, как все черноморские моряки. Приходилось иногда даже придержать их азарт, чтобы не было лишних потерь.

Что запомнилось? Запомнилось здание гестапо; до и после войны в нем размещалась курортная поликлиника. Мы вышли к нему после того, как лихим наездом выгнали из близлежащих домов группу «потомков гордых римлян». Те особо не сопротивлялись: было достаточно одного выстрела из пушки, чтобы они побросали винтовки и задрали руки, оставив в воздухе характерный запах «Великой Румынии». И вот один из них на довольно хорошем русском языке стал рассказывать о жутких русских упырях, которые продали души дьяволу, получив взамен от нечистого невидимость и неуязвимость от пуль. Я понял, что румынам посчастливилось издали посмотреть на то, как работают наши «спецы» из «племени летучих мышей». Почему издали, и почему посчастливилось? Да потому что видевшие это вблизи уже ничего никому не расскажут.

И действительно, здание гестапо уже было тихо захвачено бойцами спецназа ГРУ еще до начала основной фазы операции. И если разведчики Литовчука круглыми глазами смотрели на экипировку наших морских пехотинцев, то при виде «спецов» глаза у них стали буквально квадратными. Еще бы: заваленное трупами здание гестапо, и по его коридорам разгуливают фигуры в сферических шлемах, брониках, и с автоматами, оборудованными ПБС и ПНВ. Командовал ими мой новый знакомый Бес (так, во всяком случае полковник Бережной откомендовал его мне в свое время). Увидев меня, он приветливо помахал мне рукой и сказал: «Дед, принимайте товар! Все сделано со знаком качества!».

Действительно, «летучие мышки» дело свое знали. Все высшие чины гестапо так и остались сидеть в своих кабинетах, связанные по рукам и ногам, и со ртами, заклеенными скотчем. Как выразился Бес, «с целью дальнейшей передачи компетентным органам по акту». Вся прочая шушера – всякие там охранники, надзиратели, секретари – своими телами устилали двор и коридоры здания.

Услышав про пленных, разведчики капитан-лейтенанта Литовчука сразу же нырнули в захваченное здание – так сказать, смотреть товар лицом. Мы не стали им мешать. Тем более что съемочной группе канала «Звезда» было что снимать. К примеру, подвалы с людьми, которых должны были завтра расстрелять – они не верили в свое спасение, глядя на спецов, которые их освободили, как на ангелов небесных.

А при виде комнаты, где следователи гестапо проводили дознание, Ирочке, которая все это время держалась молодцом, снова едва не стало плохо. Видимо, кто-то из гестаповцев работал в «ночную смену», и очередного человека, заподозренного в нелояльности к оккупантам, пытали буквально накануне высадки десанта.

Отсняв все увиденное на камеру, мы вышли на улицу. Уже светало. Над городом кружил одиночный «Ночной Охотник», но работы для него не было. Кое-где на окраинах раздавались еще одиночные выстрелы, но всем уже было ясно: Евпатория взята, и только на востоке, под Саками, гулко бухала канонада. Старшина Ячменев сказал, что он должен доставить нас в гостиницу «Крым», где обосновался штаб десанта, и присоединиться к своей роте, которая через час выдвигается на Саки.

Проезжая по улице Революции, мы увидели, как с ошвартованной в морском порту «Колхиды» на причал спускают хозяйство автороты. На причале уже выстроилась вереница тентованных «Уралов» и автозаправщиков. Тут же кузова машин загружались ящиками с боеприпасами из вскрытых контейнеров. Судя по разнообразному обмундированию, работали там и моряки с «Колхиды», и солдатики из хозяйственной и комендантской рот несостоявшейся базы в Тарсусе, и местные моряки-черноморцы, мелькали и «гражданские пиджаки».

Всем сообщили, что идет шторм, и от того, сколько техники и боеприпасов удастся выгрузить до его начала, зависит конечный успех операции и жизнь всех и каждого. В случае захвата города противником разъяренные гитлеровцы не пощадят никого.

У соседнего причала танкер «Дубна» заливал в автоцистерны авиакеросин для «вертушек» и соляр для бронетехники. А отдаленная канонада на востоке грохотала все сильнее и сильнее. Стало понятно, что с Евпаторией уже все, ну а следующий удар после перегруппировки будет нанесен по Симферополю – в самое сердце 11-й армии вермахта.

5 января 1942 года. 02:00. Лесная поляна неподалеку от пос. Сарабуз

Полковник ГРУ Бережной

Вот мы и на месте. Сразу по прибытии замаскировали технику и выставили секреты. Выслали к селу группу доразведки. Неподалеку было селцо одно татарское, так что расслабляться опасно. Собачки там брешут... Вот что удивительно – для немца собака хуже еврея получается: читал я в свое время, что как только немец в село входил, так сначала собак всех изничтожал, а потом уже евреев.

Нет, это селцо не Сарабуз – тот дальше, и в другой стороне. Да и в Сарабузе все, что есть татарского, так это название, а население стопроцентно русское... А что мы еще про него знаем? Знаем, что в школе штаб 11-й армии, а в правлении совхоза офицерская гостиница... А еще что на окраине аэродром – там после войны Симферопольский аэропорт построят.

Заслали туда разведку и сидим на попе ровно, ждем. На то чтобы наши глаза и уши уже добрались до Сарабуза и начали там работу, потребовался час. Чтобы тихо подобрался, на кошачьих лапках, и чтобы не одна веточка не шевельнулась и снег не скрипнул. Нам помогает глухая канонада, доносящаяся со стороны Севастополя.

Разведчикам необходимо вскрыть вражескую систему охраны и обороны, точно местоположение ключевых объектов и огневых точек. А также заминировать вероятные пути подхода подкрепления минами МОН. Мы же ждем их сообщений, чтобы окончательно утвердить план захвата и приступить к «работе». Вертолеты стоят, готовые немедленно подняться в воздух, бойцы напряжены и собраны, готовые к любому развитию событий.

Большинство людей, насмотревшись голливудских боевиков, считают, что бойцам элитных подразделений нужнее всего на свете накаченные мышцы и умение палить от бедра из шестиствольного, монструозного вида, пулемета. Конечно, и физическая подготовка и навыки меткой стрельбы, вещи сами по себе нужные. Но самое главное для наших бойцов – голова. Надо нестандартно мыслить, и в критической обстановке принимать единственно верное решение. И при этом это решение должно быть принято очень быстро, импровизации – это наш метод.

Вот и бойцы капитана Зайцева и старшего лейтенанта Голикова в Сарабузе сейчас не режут глотки фрицам, а прикидывают, как тихо, без шума и пыли, снять охрану и повязать генерала, которому в этой реальности, кажется, так и не суждено стать фельдмаршалом. При этом желательно не забыть и про много знающих офицеров его штаба. С ними тоже жаждут побеседовать охочие до истины товарищи.

Кстати, к моему великому удивлению, на вещевых складах «Кузнецова» нашлись даже белые полярные маскхалаты. Дело в том, что два дня назад выпал довольно таки плотный снеговой покров, да и стены домов, сложенные из местного ракушечника, требуют, чтобы маскировочным цветом считался белый. Откуда на «Кузнецове» белые маскхалаты? Глупый вопрос. Достаточно вспомнить, с какого флота сей корабль и в скольких учениях он участвовал в последнее время. Хомяк (пардон, мичман) он и на флоте хомяк, ничего не выбрасывает. А то некоторые горячие головы уже предлагали пошить из простыней нечто вроде маскировочных пончо... Но не потребовалось.

Начали поступать сведения от разведчиков. Бойцы незаметно просочились в село, добрались до объектов, которые мы намерены захватить, и выявили систему их охраны. Кроме того, удалось обнаружить огневые точки, прикрывающие штаб армии, казармы комендантской роты, узел связи, позиции батарей ПВО, электроподстанцию, а также установить режим патрулирования улиц и охранного периметра вокруг штаба.

Вот и все, время... Я отдал команду, и к цели стали выдвигаться основные силы. «Племя летучей мыши» вышло на тропу войны. Через некоторое время в воздух поднялись и вертолеты. Их время придет позже.

Сказать прямо, нам повезло в том, что Манштейн, начисто лишившись мобильных резервов, вынужден был бросить против наступающих советских войск, высадившихся в Керчи и Феодосии – все, что у него было под рукой. Ему пришлось отправить на фронт даже большую часть батальона охраны. Так что, по данным разведки, в самом Сарабузе нам смогут противостоять лишь рота пехоты, батареи ПВО плюс до взвода фельджандармерии. Но если мы затянем операцию и дадим Манштейну возможность сообщить о нападении на штаб, то нам придется несладко – слишком уж нас мало. Конечно, Сарабуз – не дворец Амина, но и немцы не афганцы. Поэтому в первую очередь необходимо обезвредить расположенный при штабе узел связи с радиостанциями и телефонными коммутаторами. Это при том, что на узле связи просто неизбежны многочисленные, распутные, как жрицы Венеры, немецкие связистки. Так было, есть и будет во всех армиях мира, кроме разве что исламских. Ну ничего, посмотрим, как ребята справятся с искушением...

Все на исходных, даю сигнал «Готовность-1». Разведка доложила, что Манштейн, допоздна заработавшийся в штабе армии, все же ушел к себе в резиденцию отдохнуть. У казарм – роты охраны, батарей ПВО и узла связи; уже заняли свои позиции авианаводчики, готовые лазерными целеуказателями обеспечить ударным вертолетам Ми-28Н «подсветку» целей. Группы обеспечения выставили мины МОН на путях возможного подхода подкреплений к штабу 11-й армии и резиденции Манштейна, а также у входа в казарму комендантской роты. Снайперы взяли на мушку выявленные огневые точки и батареи ПВО.

А самое главное – наши специалисты по взрывам и поджогам заложили небольшой, но симпатичный фугас под главным силовым трансформатором. И теперь я слегка поглаживаю кнопку на пульте дистанционного управления, готовую погрузить весь поселок во тьму. И нахрена фрицы с таким остервенением отстреливают местных собак – я уже говорил, что это у них прямо религия какая-то... а ведь были бы живы местные шарики и тузики, мы бы так спокойно под носом у охраны ходить бы не могли.

Смотрю на часы: все, 03:00, пора. Четыре ударных вертолета Ми-28Н и четыре транспортно-штурмовых Ка-29 уже в воздухе, в зоне ожидания; со стороны Евпатории долетают первые раскаты канонады – это «Ушаков» и «Москва» ровняют с землей румынские береговые батареи. Я давя на кнопку пульта, вижу бело-голубую вспышку, а потом уже слышу оглушительный хлопок короткого замыкания. Во всем поселке разом гаснет свет. Уничтожение трансформатора было условным сигналом к началу штурма.

По этому сигналу команде бойцы штурмовой группы быстро и аккуратно завалили из оружия с приборами БС и ПНВ караульных у дома, где находится Манштейн, а группа захвата, действуя преимущественно холодным оружием и пистолетами с глушителями, проникла в здание. Одновременно вторая штурмовая группа ворвалась в помещение узла связи, бросив туда предварительно светозумовую гранату – в расчете на то, что после отключения внешнего электропитания у немцев не будет времени перейти на аккумуляторы. От применения систем РЭБ решили временно отказаться, ибо сам факт появления помех мог подсказать противнику, что творится что-то неладное. Тем более что с началом Евпаторийской операции на «Кузнецове» и «Москве» заработали стационарные глушилки-вопилки, и немецкой радиосвязи от этого вообще страшно поплохело.

Самое же главное, что попытки запеленговать источник помех приведут немцев не к нам, маленьким и слабым, а к большим парням контр-адмирала Ларионова. И вряд ли обнаружение источника помех доставит немецким связистам много удовольствия.

Собственно, вся операция была разбита на три основные части: захват штаба армии (здание школы), захват офицерского общежития (правление совхоза) и подавление внешнего периметра охраны. С внешним периметром было просто: авианаводчики подсветили лазерами пулеметные гнезда, и в момент подрыва трансформатора по ним отработали НАРами вертушки. Одновременно одна пара Ми-28Н начала полноформатную штурмовку расположенного по соседству аэродрома Сарабуз, создавая дополнительный шум и гам, и отвлекая на себя внимание противника.

Выбегающие из казарм солдаты охраны попадали под перекрестный снайперский огонь, подрывались на минах, а в случае особо удачного скопления накрывались залпами неуправляемых ракет с вертолетов. Короче, веселуха шла по полной.

Сам же захват штаба армии и ее командующего длился всего несколько минут. В погруженном во тьму здании штаба бойцы капитана Зайцева с помощью ножей и пистолетов с ПБС первым делом уничтожили всех, кто имел неосторожность оказаться у них на дороге и не имел на плечах погон из витого шнура – признаков старшего офицера. В здании штаба из старших офицеров удалось обнаружить только начальника узла связи армии и армейского квартирмейстера. Правда, первого взяли вместе с половиной его подчиненных, оглушенных и ослепленных взрывом гранаты «Заря-2». Когда немецкие связистки очнулись, то рты их были заклеены

скотчем, а руки крепко стянуты за спиной. Тем временем группа захвата выгребала из сейфов все бумаги. Уже потом можно будет разобраться, что из них представляет ценность, а что нет.

Быстрее, быстрее, быстрее... В школьном подвале, превращенном в армейскую гауптвахту, бойцы чистили «контингент». Отодвинуть засов, открыть дверь, короткая очередь – и двигаемся дальше. Контингент тут сидел малопривлекательный, даже для вермахта, и у меня не было планов выпускать заключенных на свободу. Но вот, открыв дверь еще одной камеры, парни увидели не очередную сладкую парочку германских нарушителей воинской дисциплины, а избитого до полной безжизненности, и к тому же раненого в обе ноги молодого парня в форме советского военного моряка с командирскими нашивками на рукаве. Прозвучал крик: «Ребята, тут НАШ!» – и свирепые убийцы, только что залившие штаб кровью от подвала до чердака, немедленно обратились в нежных нянек.

Впрочем, оказывая освобожденному из плена медицинскую помощь, они не забыли дочистить здание до конца и пристрелить последних зажившихся на свете юберменшей. А над поселком уже снижались вертолеты, готовые забрать пленных и документы. Два из них сели на футбольное поле позади школы, еще один – на предназначенную для пионерских линеек площадку перед парадным входом. Последний вертолет опустился перед зданием правления совхоза – там тоже была своя добыча. Стрельба на улице потихоньку стихала; остатки охраны штаба, которым повезло уцелеть, поняли, что для сохранности собственной жизни лучше спрятаться в кустах и не отсвечивать, потому что даже на Ка-29 установлен четырехствольный пулемет винтовочного калибра – штука для простого пехотинца крайне неприятная. А уж если на тебя обратит внимание Ми-28Н с его тридцатимиллиметровой пушкой, тогда вообще канты. Винтокрылые машины не стеснялись возражать короткими очередями даже на одиночные винтовочные выстрелы.

С захватом же Манштейна не все прошло гладко. Самое смешное, все чуть не сорвалось из-за любимой собачки генерала. Эта смешная такса в момент захвата подняла истошный лай. К тому же мною был отдан приказ брать Манштейна живьем. Поэтому в резиденцию командующего армией первой влетела светошумовая граната. Оглушенный и ослепший Манштейн мешком осел на пол, а такса, с круглыми глазами и воем ужаса, стартовала из спальни генерала прямо через закрытое окно. Тот, кто это видел, говорил, что чем-то это было похоже на пуск тяжелого НАРа с подвески «крокодила».

С нашей стороны «двухсотых» не было, но двое бойцов получили легкие ранения – в плечо и в ногу. К концу операции я получил сообщение, что наши морские пехотинцы уже захватили аэродром в Саках. Решение пришло мгновенно. Я прикинул, что восемь минут туда, восемь обратно, десять на месте – вертушки обернутся за двадцать пять-тридцать минут.

Вопрос заключался лишь в том, занимать ли оборону здесь, или же, выставив максимальное количество взрывающихся сюрпризов, отходить к известной нам поляне. Там мы точно будем минут через сорок.

Решено – отходим: здесь мы как вошь на пупе, а в поросших лесом холмах нас надо еще поймать. Эвакуация захваченного Манштейна, его адъютанта и имевшихся при генерале бумаг прошла с площади перед зданием правления, на которой перед войной проводились собрания и митинги. Одновременно в воздух поднялись вертолеты от здания школы. Часть бойцов улетела вместе с пленными и грузом, остальные же быстрым шагом скрылись в поросших лесом холмах.

И в самом деле, не обошлось без пиротехники и шумовых эффектов. Наверное, кто-то из немецких начальников, встревоженный отсутствием связи со штабом армии, поднял тревогу. Не исключено, что это был начальник штаба 11-й армии, которого нам так и не удалось обнаружить. Минут через пятнадцать после нашего отхода в селе начали весело взрываться оставленные нами сюрпризы. Но весь этот шухер был уже как стрельба в белый свет. Мы уходили во тьму «волчьим шагом», и нас им было уже не догнать, даже без учета расставленных на пути

растяжек. Бросятся бегом, собьют дыхание и быстро выдохнутся. Кроме всего прочего, ночь, темно, и не видать ни зги.

Запомнился один момент, когда нашего освобожденного из плена командира грузили в вертушку. Уже в салоне, при свете тусклой лампочки, он наконец разглядел тех, кто вытащил его из застенков абвера.

– Ребята, вы кто? – спросил он удивленно.

Ответ одного из рядовых меня потряс.

– Кто, кто – дед Пыхто... Сам не видишь что ли – мы Вооруженные Силы Коммунистического Марса, оказываем братскую помощь и выполняем интернациональный долг!

Раненый напряженно заморгал.

– Шутка! – засмеялся солдат. – А вообще это самая большая тайна СССР. Не задавай лишних вопросов, и будешь счастлив! Пока!

Люк вертолета захлопнулся, и машина стала медленно подниматься в черное небо.

5 января 1942 года, 07:00. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего

Подошла к концу ночь с 4 на 5 января 1942 года, обстановка на фронтах была хотя и не катастрофичной, но напряженной.

На севере был стиснут железным кольцом немецко-финской блокады сражающийся Ленинград. На центральном участке фронта идет напряженное сражение за Москву. Наступающая Красная армия кровью оплачивала каждый метр освобожденной земли. В войсках не хватает боеприпасов, большие потери в технике и людях, но, несмотря на это, наступление продолжается. Красная Армия гонит немцев от Москвы.

На юге хуже, Крымский фронт вот уже два дня буксует под Феодосией. Сказывается господство немцев в воздухе; в феодосийском порту уже погибли под немецкими бомбами пять транспортов, крейсер «Красный Кавказ» едва дотянул до Туапсе. На сегодняшний день Крымским фронтом потеряно более сорока тысяч человек: убитыми, замерзшими, утонувшими при высадке, пропавшими без вести. А ведь туда Ставка бросила кадровые дивизии мирного времени, выведенные из Ирана. Если так пойдет и дальше...

Сталин встал и, разломав одну за другой две папиросы «Герцоговины Флор», стал набивать трубку. «Почему задерживается Василевский? – думал он, машинально уминая табак пожелтевшим пальцем. Взглянув на часы, он отметил, что уже семь-пятнадцать.

Его взгляд упал на развернутую на столе карту Крыма с нанесенной на нее обстановкой на вчерашний вечер: неужели генералы опять где-то обгадились?

В этот момент заглянул Поскребышев.

– Товарищ Сталин, к вам товарищ Василевский.

– Зови! – Чиркнув спичкой, «лучший друг советских физкультурников» начал раскуривать трубку.

Вошедший генерал-лейтенант был бледным и слегка осунувшимся. Несмотря на признаки явного утомления, вождь машинально отметил, что заместитель начальника Генерального штаба чем-то взволнован.

– Товарищ Сталин, генерал-лейтенант Василевский прибыл по вашему...

– Паачему задержались, товарищ Василевский? – довольно грозно начал Сталин, но потом махнул рукой с зажатой в ней трубкой. – А! Докладывайте, что там у вас стряслось...

– Вот именно «стряслось», товарищ Сталин, и нечто неординарное... – Василевский развернул на столе принесенную с собой карту Юго-Западного фронта. – Как вы знаете, этой ночью Черноморский флот должен был высадить в Евпатории тактический десант с целью отвлечь немецкие войска от Севастополя и Феодосии...

– Ваш Октябрьский потэрял Евпаторыйский дэсант? – от волнения в речи Сталина прорезался явственный грузинский акцент. – Их потопыла гэрманская авиацыя?

– Никак нет, товарищ Сталин, – ответил генерал-лейтенант Василевский, вытянувшись в струнку, – час назад поступило сообщение, что Евпатория полностью освобождена, и в ней восстановлена советская власть.

– Тогда в чем же экстраординарность? – понемногу успокаиваясь, Сталин принялся прохаживаться по кабинету. – Я же вижу, товарищ Василевский, что ви что-то недоговариваете...

– Товарищ Сталин... в ноль часов пять минут радисты Ставки приняли вот эту странную радиограмму, адресованную на ваше имя, но переданную почему-то по каналам Ставки... – Василевский протянул Верховному Главнокомандующему бланк первой телеграммы контр-адмирала Ларионова. – На радиограмме не было кода высокой срочности, да и абонент «Хронос» никому из шифровальщиков неизвестен, так что расшифровывали эту радиограмму в последнюю очередь.

Верховный читал строчки радиограммы, и его брови ползли вверх, выражая крайнее удивление, обычно несвойственное этому человеку.

– Товарыш Василэвский, раз ви нам принесли эту бумагу, значит, только этой радиограммой дэло нэ огранычилось?

– Так точно, товарищ Сталин, – ответил тот, – сначала я решил, что это чья-то шутка, весьма неумная, кстати. Но у нас шутить так не принято. На короткий запрос шифровального отдела Ставки в штаб СОРа, кодом которого была зашифрована эта радиограмма, там ответили, что в пять минут первого 5 января никаких радиограмм в Ставку они не посылали. Тогда радиограмму все-таки доставили мне, и мы начали с ней разбираться. По ходу разбирательства дело стало обростать удивительными и местами даже жуткими подробностями. Позвольте?

Сталин кивнул, и Василевский достал из кармана маленький блокнот.

– Во-первых, в шестнадцать часов три минуты служба радиоперехвата ВВС Черноморского флота перехватила сообщение немецкого самолета-разведчика об обнаружении большевистской авианосной эскадры примерно в двухстах километрах мористее Евпатории.

– Дажэ так? – мундштуком трубки Сталин огладил пышные усы, – продолжайте, товарищ Василэвский.

– Так точно, товарищ Сталин, – кивнул Василевский, – немецкий наблюдатель доложил об обнаружении эскадры в составе полутора десятков вымпелов, которую возглавлял авианосец около трехсот метров длиной. Передача была прервана на полуслове – очевидно, разведчик был уничтожен. На предложение летчиков послать воздушную разведку в указанный немцем квадрат штаб Черноморского флота ответил отказом, потому что советских авианосцев не бывает, а летчикам в грубой форме посоветовали проспаться...

– Накажу мэзавцев! – Пальцы Сталина, сжимавшие трубку, побелели от напряжения. – Извините, товарищ Василевский, продолжайте...

– В шестнадцать часов двенадцать минут та же служба радиоперехвата зафиксировала взлет с аэродрома Саки сначала одной эскадрильи пикировщиков Ю-87, а через десять минут – еще двух. В шестнадцать часов двадцать минут первая эскадрилья была полностью уничтожена двумя советскими истребителями, перехватившими их на пути к цели...

– Почему ви так уверены, что это били советские истребители? – Сталин выколотил потухшую трубку в пепельницу и потянулся к пачке «Герцоговины Флор». – Почему не англичане или нэ американцы, ведь в их флотах имеются авианосцы, правда, не такие большие?

– Товарищ Сталин, – ответил Василевский, – немецкие летчики в переговорах между собой называли противника «два ивана», особенно часто – в самом конце, когда бой шел на коротких дистанциях. Англичане были бы или «томми» или «лайми», американцы – «сэмми». Такую уверенность могут дать только четко видимые опознавательные знаки государственной принадлежности.

– Понятно, товарищ Василевский. – Сталин снова принялся набивать свою неизменную трубку. – Продолжайте!

– Вслед за первой эскадрилей юнкеров так же бесследно исчезла и вторая, потом – третья. А также восьмерка истребителей Ме-109, поднятая на их поддержку с аэродрома в Каче. – Генерал-лейтенант Василевский развернул на столе Верховного план Евпатории. – Чудо-самолеты – это еще не все, товарищ Сталин, вот смотрите. Красным цветом – это план высадки десанта, разработанный штабом Черноморского флота. Надо заметить, что, по словам капитана 2-го ранга Буслаева, осуществлявшего общее руководство высадкой, и капитан-лейтенанта Бузинова, командовавшего десантным батальоном, сама высадка прошла вполне успешно. Но немцы явно ожидали наших десантников, поэтому сразу после обнаружения кораблей на подходе к берегу они включили прожектора и открыли по нашим морякам перекрестный пулеметный и артиллерийский огонь. Но тут снова проявили себя наши таинственные «гости»: их корабли к этому времени находились уже на рейде Евпатории. – На недоуменный взгляд Сталина Василевский ответил: – Дело в том, что над морем в эту ночь стоял довольно густой туман, видимость не превышала ста метров, и в такой обстановке тот, кто хотел остаться незамеченным, легко мог это сделать. До самого последнего момента их не видели ни наши, ни немцы. Корабельная артиллерия «гостей» в считанные минуты уничтожила немецкие береговые батареи. Их боевые винтокрылые аппараты, по назначению схожие со штурмовиком Ил-2, нанесли ракетные удары по опорным пунктам противника в гостиницах «Бо-риваж» и «Крым», а прожектора и пулеметные точки на колокольнях и минаретах уже были захвачены их армейским ОСНАЗом, заранее проникшим в город. По команде эти пулеметы начали обстрел узлов вражеской обороны. Также их осназовцы захватили здание гестапо, где освободили из фашистских застенков множество арестованных: подпольщиков, арестованных партийных и советских работников и тех, кто был просто недоволен оккупантами. Кроме того, к ним в руки попало все руководство гестапо Евпатории и все документы, которые не были уничтожены из-за внезапности нападения.

– И, конечно, они отказываются передавать нам эти документы и этих негодяев? – Сталин пристально взглянул на Василевского.

– Никак нет, товарищ Сталин, – ответил Василевский, – со слов капитан-лейтенанта Литовченко, который и должен был по первоначальному плану захватить здание гестапо, все уже передано нашим компетентным органам. Правда, после составления нуднейшей и подробнейшей описи... Товарищи из наркомата товарища Берии ходатайствуют о правительственных наградах для тех, кто сумел добыть эти документы.

– В таком деле, товарищ Василевский бюрократия в разумных количествах – это не помеха, – сказал повеселевший Сталин, – как говорил Владимир Ильич, «социализм – это учет». Товарищ Василевский, я уже почти поверил в 2012 год, но меня смущали и смущают словосочетание «Российская Федерация»... Хотите, я скажу вам, какие флаги на их кораблях?! Андреевские, товарищ Василевский, ведь так? Очевидно, в Советском Союзе послэ моей смэрти все-таки произошел контрреволюционный переворот... Но с этим вопросом мы разберемся позже, продолжайте дальше по Евпатории.

– Кроме ОСНАЗа, кораблей и авиации, в операции было задействована их морская пехота, – продолжил Василевский. – Четыре корабля в их эскадре оказались носителями механизированных подразделений морского десанта. Товарищ Сталин, представьте себе плавающий легкий танк, вооруженный одной стомиллиметровой пушкой и одной автоматической тридцатимиллиметровой пушкой. И кроме всего прочего, он перевозит до отделения пехоты. Двадцать таких машин – две роты – вышли на берег в курортной зоне западнее нашей полосы высадки. Еще одна рота, десять машин, вышли на берег в районе Пересыпи, восточнее нашей полосы высадки. Последняя рота атаковала город Саки и одноименный аэродром, где немедленно перекрыла дороги на Севастополь и Симферополь. К пяти часам утра совместный десант

полностью подавил сопротивление немцев и румын в Евпатории, но зато давление противника на заслоны в районе города Саки все время нарастало. Тогда же пришельцы из будущего предъявили капитану второго ранга Буслаеву немца в генеральском мундире, которого «гости» представили как генерала Эриха фон Манштейна, командующего 11-й армии вермахта. Они заявили, что передадут его в руки представителям нашей разведки не меньше чем армейского уровня. А пока с ним пообщается разведотдел их соединения...

– Ничего странного, – меланхолично заметил Сталин, – это их разведка поймала Манштейна, а не наша. Это их добыча, а следовательно, у них и право первой ночи. Только вот удалось ли вам выяснить, как это им удалось, товарищ Василевский?

– Так точно, товарищ Сталин, – ответил тот, – рейд ОСНАЗа на этих самых, на вертолетах. Цель – полный разгром штаба 11-й армии, с захватом высшего командного состава и документов. Только начальник штаба армии ускользнул. Он находился в это время в штабе одной из дивизий под Севастополем...

– Счастье никогда не бывает полным... – Сталин, забывший было об уже набитой и зажатой в руке трубке, потянулся за спичками. – Товарищ Василевский, у вас что-то еще?

– Да, товарищ Сталин, – кивнул тот. – Последнее и наиболее важное: около часа назад мне принесли вторую радиограмму, подписанную «Хроносом» – в ней сообщались итоги сделанного за ночь и был дан список немецких аэродромов, уничтоженных в течении ночи с 4 на 5 января их авиацией. Наши гости назвали это операцией «Длинная рука». Я немедленно связался по ВЧ со штабом Юго-Западного фронта и Черноморского флота и приказал выслать воздушную разведку в район указанных ими объектов. Я задержался, ожидая рапортов от летчиков-разведчиков и результатов обработки и расшифровки фотоматериалов. Товарищ Сталин, вся немецкая авиация в полосе Юго-западного фронта практически уничтожена. Фотографии сейчас везут в Москву самолетами, но понятно одно – на юге у немцев сейчас просто не осталось авиации...

Сталин решительно подошел к столу с телефонами и снял трубку аппарата ВЧ.

– Юго-Западный фронт, товарища Тимошенко, – сказал вождь. – Товарищ Тимошенко, доложите, как там у вас с активностью немецкой авиации? Не, ничего, все хорошо... Значит, сегодня с утра не летают, не бомбят и не обстреливают. Что, немцы заболели? Я вам, товарищ Тимошенко, потом расскажу, чем заболели эти немцы... – Верховный начал постепенно расслапаться. – Вы мне лучше скажите, а наша авиация что, летает, бомбит, обстреливает?! Так, вот, пока нэмцы болеют, наши, здоровые, пусть летают! Все ясно?!

Бросив трубку, Сталин прошелся по кабинету.

– Эта самая «длинная рука» схватила за горло люфтваффе, – сказал он в сердцах, – а для наших войск оказалась просто рукой помощи. Это они сделали не для себя, потому что, они, наверное, могут легко сбивать любое количество вражеских самолетов. Это они сделали для наших солдат, которые такой возможности не имеют. Такой командир мне нравится; как там его – контр-адмирал Ларионов?

– Так точно, товарищ Сталин, Ларионов, – подтвердил Василевский.

– Товарищ Василевский, вы храбрый человек? – неожиданно спросил генерала Сталин, садясь за свой стол.

– Наверное, да, товарищ Сталин, – ответил тот, заметно нервничая, – и, наверное, смотря что считать храбростью.

– Это хорошо, товарищ Василевский... – Сталин что-то быстро писал синим карандашом на листе бумаги. – Потому что есть мнение, что вас нужно направить представителем Ставки в самое пекло, в штаб этого самого контр-адмирала Ларионова. Вот, отдайте эту бумагу товарищу Поскребышеву, он оформит вам мандат. У вас будут все необходимые полномочия для решения любых вопросов на месте. Если что-то пойдет не так – немедленно связывайтесь со мной лично. Ну и без этого постоянно держите меня в курсе событий.

– Когда мне вылетать, товарищ Сталин? – подтянулся Василевский.

– Если судить по тому, что происходит, то, товарищ Василевский, вылететь вы должны были еще вчера, – ответил Сталин. – Раз так все получилось, то, вылетайте как можно быстрее. – В голосе Сталина снова появился грузинский акцент: – Ми на вас очень надээмся, товарищ Васылэвский!

5 января 1942 года 14:00, воздушное пространство в окрестностях Новороссийска, борт транспортно-пассажирского самолета ПС-84 (Си-47)

Мерно гудели моторы самолета; генерал-лейтенант Василевский перебирал фотографии, полученные на аэродроме под Ростовым от представителя разведуправления Юго-Западного фронта. Эти фотографии стоили того, чтобы взглядеться в них внимательно. На них были видны груды исковерканного металла, которые еще вчера были боевыми самолетами люфтваффе на аэродромах Сталино, Таганрога, Мелитополя, Днепропетровска... По докладам из Севастополя, ту же самую картину представляли собой аэродромы Сарабуза, Николаева, Херсона... Немецкие самолеты выглядели так, будто их долго и старательно крошили огромной шинковой. Кроме того, таким же иступленным ударам с воздуха подверглись несколько узловых станций Сталинского железнодорожного узла. На фотографиях было заснято месиво из разбросанных во все стороны обломков, а иногда и целых вагонов и даже паровозов, отброшенных на десятки метров от железнодорожных путей. Кое-где пылали пожары. Генерал-лейтенант пытался на скорую руку прикинуть, сколько боеприпасов, топлива и продовольствия потеряли немецкие войска. В любом случае получалось много.

Информация о ходе десанта в Евпатории пока была словесной, но вот эти фото для генерал-лейтенанта стали первым материальным подтверждением существования «гостей» из будущего. Кстати, самолет-разведчик, направляясь на Николаев, прошел над Евпаторией и эскадрой «гостей». Товарищ Сталин был прав: в рапорте легчиков было особо отмечено, что над кораблями подняты андреевские флаги. И в то же время все летательные аппараты несли на себе красные звезды. Сочетание дикое и немыслимое, почти как жареный лед.

«Гости... какие они к чертовой матери «гости», – подумал генерал-лейтенант убаюкиваемый шумом моторов, – ведут себя как хозяева в доме. Сразу же дали понять, что «это наша война, и мы будем ее воевать». И ведь не откажешь им, тут каждый штык на счету – и вдруг привалило такое вот счастье...»

Александр Михайлович глянул в иллюминатор – берег Тамани остался справа, а под крылом тянулись покрытые белыми барашками волн темные воды Понта Эвксинского. Рядом с самолетом представителя Ставки летели два истребителя Як-1 сопровождения – все, что сумело выделить командование Кавказского фронта для прикрытия столь важного перелета.

К убаюканному шумом моторов Василевскому подошел бортмеханик.

– Товарищ генерал, командир корабля просит вас пройти в кабину...

– Что там стряслось? – Представитель Ставки встал и, пригнувшись, начал пробираться в кабину пилотов.

– Вызывают Вас, товарищ генерал, по радио... – бортмеханик открыл перед Василевским дверь в кабину пилотов и протянул ему гарнитуру. – Слушайте, товарищ генерал-лейтенант...

В наушниках чуть хриплый голос повторял: «Сокол-1 вызывает самолет представителя Ставки, Сокол-1 вызывает самолет представителя Ставки...»

Пилот посмотрел на Василевского.

– Товарищ генерал, может, вернемся, от греха подальше?

– Дайте сюда, – Василевский забрал у пилота гарнитуру.

– Куда тут нажимать?

– А вот сюда, – бортмеханик вдавил клавишу, переключая радиостанцию на передачу.

– Говорит представитель Ставки Верховного Главнокомандования генерал-лейтенант Василевский. Сокол-1, кто вы?

– Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант, – ответило радио, – говорит ведущий пары прикрытия майор Скоробогатов. Наблюдаем вас на радаре, находимся на встречном курсе, до визуального контакта осталось меньше минуты...

Пока генерал-лейтенант размышлял, летчик переключил канал связи на себя.

– Говорит командир спецборта подполковник Ольхович. Как вы сумели нас обнаружить, майор? Информация об этом полете была совершенно секретной.

– Ничего удивительного, – ответил майор, – товарищ подполковник, ваши «маленькие» так разгалделись в эфире открытым текстом, что я теперь и не знаю, для чего у них рации: для взаимодействия в бою или для пустой болтовни и разглашения секретов...

Летчик снова щелкнул тангентой.

– Понятно! – и добавил несколько слов, не публикуемых в обычных словарях. – Сокол-1, где вы в настоящий момент находитесь?

В эфире раздался короткий смешок.

– Перед вами, прямо по курсу...

Чуть выше горизонта появилась пара черных точек. Прошло несколько секунд: пять, четыре, три, два, один... В последнее мгновение точки разошлись далеко в стороны и, заложив крутой вираж, превратились в два стремительных стреловидных силуэта, которые зависли по обе стороны и чуть выше транспортника. В кабину ПС-84 проник протяжный гул и свист реактивных двигателей. Генерал-лейтенант Василевский жадно всматривался в покрытую серо-голубой камуфляжной раскраской краснозвездную машину непривычных очертаний. На его глаз, эти самолеты были лишь чуть меньше транспортного ПС-84. Практически все место под узкими крыльями было занято угрожающего вида реактивными снарядами. С непривычки Василевский долго не мог понять, где у этого монстра двигатели. Потом он вспомнил про сообщения о разработке англичанами самолета с турбореактивными двигателями, и сразу все встало на свои места... «Яки», шарахнувшиеся было в сторону при приближении «гостей», снова заняли свои привычные места в ордере.

– Товарищ майор... – Василевский вдруг неожиданно закашлялся, – как называются ваши машины?

– МиГ-29, товарищ генерал, в корабельном исполнении, – ответил Скоробогатов.

Некоторое время полет продолжался в полной тишине. Справа – Керченский полуостров, уже освобожденный Красной Армией, сменился Южным берегом Крыма, который пока еще оккупировали немецко-румынские войска.

Где то на траверзе Алушты на связь вышел майор Скоробогатов:

– Внимание, у нас гости! Незваные!

Экипаж транспортника до рези в глаза вглядывался в горизонт. Вот впереди, чуть правее по курсу, на фоне земли мелькнули четыре черных точки, набирающие высоту. Снова вышел на связь майор Скоробогатов:

– Судя по всему, 109-е мессера, идут на перехват. Извините, товарищ генерал-лейтенант, видно, не все их аэродромы подскока мы нашли и вычистили. Придется устроить показательные выступления. Итак, маэстро, музыку!

Тем временем черные точки заложили крутой вираж и стали удаляться туда, откуда пришли.

– Чего это они, майор? – удивленно спросил подполковник Ольхович. – Вроде атаковать передумали?

– Это, товарищ подполковник, называется «репутация». Тут давеча пара, майор Коломенцев – капитан Гордин, слегка размялась. Так группу «штук» и эскадрилью «мессеров» как корова языком слизнула... Хотя они и ретировались, но порка не отменяется...

– Правильно, товарищ майор, – услышали экипаж и пассажиры ПС-84 голос ведомого майора Скоробогатова, – эти ребята совсем невежливые, они даже не поздоровались!

– Старший лейтенант Галкин, – скомандовал майор Скоробогатов, – ракета Р-73, расход одна штука, цель – крайне правый... Пуск!

Слышавший все эти переговоры Василевский понимал, что все, что сейчас говорится, говорится для него, и только для него. Весь этот радиообмен – из-за того, что настоящей угрозы нет, а немцы даже побоялись сблизиться с машинами из будущего, а не то чтобы вести с ними бой. Лишь только разглядев, кто именно эскортирует его самолет, они бросились наутек. Но это бегство совсем не значило, что потомки их пожалеют. Из-под крыльев обоих МиГов сорвалось по одному реактивному снаряду – изогнув дугой белый хвост дымного следа, они помчались вдогонку за удирающими мессерами. Не прошло и минуты, как на месте двух немецких истребителей вспухли белые клубки разрывов. Еще один (видимо, серьезно поврежденный близким взрывом), стал быстро снижаться, оставляя за собой жирный черный след. Последний Ме-109 ракета майора Скоробогатова настигла уже над горами. Впереди был Севастополь.

Снова оживило радио.

– Говорит майор Скоробогатов. Товарищ генерал, какой у вас конечный пункт назначения, Херсонес?

Василевский помолчал, собираясь с мыслями.

– Товарищ Сталин послал меня в качестве представителя Ставки в штаб контр-адмирала Ларионова, в первую очередь, для решения первоочередных вопросов взаимодействия между вами и частями Красной Армии. Так что мыс Херсонес мне никак не подходит. Ваши варианты, раз уж вы здесь?

– Товарищ генерал, на авианосец ваш «дилижанс» сесть не сможет, это однозначно! – ответил Скоробогатов. – Так, один момент, я проконсультируюсь со штабом.

На несколько минут в эфире наступила тишина. Тем временем авиагруппа обогнула Херсонес и направилась к Евпатории.

– Так, товарищ генерал, – снова появился на связи Скоробогатов, – контр-адмирал Ларионов предлагает вам совершить посадку на аэродроме под городом Саки – тот еще с ночи захвачен нашей морской пехотой. Там вас встретит исполняющий обязанности командира сводной бригады полковник Бережной, и введет в курс дела. После шторма, который вот-вот разразится, вы сможете встретиться с товарищем контр-адмиралом.

– Хорошо, я согласен! – Василевский посмотрел на часы: время – пятнадцать сорок две. – Взять курс на Саки.

5 января 1942 года 16:05, аэродром Саки, борт транспортно-пассажирского самолета ПС-84 (Си-47)

С борта снижающегося над Каламитским заливом самолета была прекрасно видна панорама разворачивающейся битвы. Через иллюминатор левого борта можно было наблюдать лежащую в дрейфе эскадру из будущего. Особенно выделялся громадный авианосец, по сравнению с которым все остальные корабли выглядели детьми-подростками. Василевскому даже на мгновение показалось, что он видит садящийся на палубу авианосца самолет... А может, и не показалось.

Бросив беглый взгляд в сторону выходящего на внешний рейд белоснежного лайнера, генерал-лейтенант на минуту задумался... «Что там насчет этого красавца – как его там... ага, «Колхида», сообщал капитан-лейтенант Бузинов? Вот – «Выгружают на берег боевую технику, вооружение и боеприпасы»... Раз «Колхида» покидает порт, значит, выгрузка закончена или угроза шторма стала реальной... Нет, со всеми этими морскими делами сюда надо будет

вытребовать товарища Кузнецова, он Главком военно-морского флота, ему в данном случае и карты в руки... Нам бы с сухопутной тактикой и стратегией разобраться...»

Чтобы лучше видеть происходящее внизу, Василевский прошел в кабину пилотов. Впереди и слева, почти на пределе видимости, по дороге из Евпатории в сторону Сак пылило несколько десятков огромных грузовиков и танки, выглядящие внушительно даже с такой дистанции. Из-за большого расстояния, не имея возможности детально рассмотреть технику будущего, Василевский перевел взгляд направо.

Там шел бой. Особенно хорошо были видны позиции обороняющихся на подступах к селу Ивановка, что перекрывали дорогу Евпатория – Севастополь. На земле, покрытой тонким слоем снега, отчетливо выделялись изломанные линии траншей нормального профиля, знакомых штабс-капитану Василевскому еще по германской войне. Подступы к оборонительным позициям, буквально усеянные телами в серых немецких шинелях свидетельствовали о наличии у пришельцев из будущего большого количества автоматического оружия.

И танки, множество танков. Врытые в землю на линии обороны по самые башни, сконцентрированные в группы за домами...

А вот это что такое? Выглядят как танки, но развернуты там, где сам Василевский поставил бы гаубичную батарею или даже дивизион, да и огонь эти странные машины ведут, задрав стволы, подобно гаубицам или даже минометам. А еще при взгляде на поле боя поражало почти полное отсутствие огня германской артиллерии.

Генерал-лейтенант Василевский еще не знал, что станция артиллерийской разведки «Зоопарк» очень эффективно помогала огневым средствам «гостей» подавить немецкие минометные и артиллерийские батареи сразу после того, как те успевают дать один или два залпа.

Самолет снизился уже почти на уровень вершин холмов. Вот под правым крылом промелькнули позиции какой-то бронетехники, одновременно похожей на танки и на самоходные орудия.

Еще несколько секунд, толчок – и колеса самолета коснулись взлетно-посадочной полосы. И вот уже ПС-84, опустив хвост, катится по бетонке. МиГи, сделав над аэродромом круг, ушли к себе на авианосец, «маленьким» Василевский приказал садиться в Севастополе, на мысе Херсонес. Слишком много лишнего могут увидеть на земле два обычных фронтовых лейтенанта: даже беглого взгляда с воздуха хватит для того, чтобы загнать обоих куда-нибудь в дальний гарнизон.

Аэродром не пустовал: в самом конце полосы, справа, выстроились несколько винтокрылых машин с громадными винтами сверху. Они отдаленно напоминали экспериментальные автожиры, испытания которых проходили перед самой войной. С другой стороны сиротливо приткнулись Хе-126 и Ю-87 – все, что осталось на аэродроме из немецкой техники. Человек с флажками привычными жестами показал командиру экипажа, куда заруливать на стоянку. Моторы замолкли, и впервые за шесть часов Василевскому показалось, что уши у него словно заложило ватой. Бортмеханик откинул люк и опустил на землю трап.

Генерал-лейтенант спустился на бетон и глубоко втянул свежий январский воздух. Первый вдох на крымской земле пах только морем. Резкий порывистый ветер гнал по земле мелкую поземку из смеси снега и песка. По взлетной полосе к самолету направлялась большая машина, слегка похожая на американский вездеход «Бантам». «Вот именно что слегка похожая, – поправил себя Василевский, – на американца она похожа как тигр на кота».

Человек, вышедший из машины, был чуть старше Василевского, одет в пятнистую куртку защитного цвета без знаков различия и такие же штаны. И, кроме того, все в его облике говорило, что это кадровый командир с большим стажем службы и еще большим боевым опытом.

Встречающий козырнул:

– Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант! Разрешите представиться: полковник Главного Разведывательного Управления Генерального Штаба Вооруженных Сил Российской

Федерации Бережной Вячеслав Николаевич, временно исполняю обязанности командира сводной отдельной механизированной бригады особого назначения... Готов ввести вас в курс дела.

– Генерал-лейтенант Василевский Александр Михайлович, – ответил Василевский, – хотя, как я понимаю, вы меня прекрасно знаете.

– Так точно, товарищ генерал-лейтенант – из учебников истории, там про вас много хорошего написано... – Бережной указал в сторону моря, на две черные точки, повисшие над волнами. – О, товарищ Василевский, смотрите – МиГи возвращаются, значит, шторм уже разыгрался, и посадка на авианосец запрещена.

– И что это значит? – встревожился Василевский.

– Ничего особенного, – пожал плечами Бережной. – Во-первых, МиГи сядут здесь, двух километров бетонной полосы им вполне хватит. Кстати, весьма впечатляющее зрелище. И, во-вторых, это значит, что примерно на тридцать шесть часов мы отрезаны от эскадры – именно столько в нашей истории длился этот шторм. Но не беспокойтесь, об этом мы знали заранее и хорошо подготовились. Но здесь, пожалуй, не совсем подходящее место, чтобы вести серьезные разговоры... – Бережной открыл перед Василевским дверцу автомобиля. – Давайте поедем на мой КП и там поговорим.

В это время мимо со страшным грохотом пронесся быстро тормозящий МиГ с раскрытым парашютом.

– Василевский, едва успев придержать генеральскую папаху, которую чуть не сдуло с головы, пробормотал:

– Действительно впечатляет... – И добавил: – Да, кстати, товарищ полковник, а как мои командиры?

– Я думаю, им лучше остаться здесь. – Бережной внимательно посмотрел на генерала. – Мне кажется, что вы получите всю возможную информацию о нас и наших возможностях, а уже потом сами решите, кому и в каком объеме ее следует знать.

– Разумно, товарищ полковник, разумно... – Василевский повернулся к своим сопровождающим. – Товарищи командиры, со мной поедет только майор Санаев. Остальных прошу обождать здесь. – Он повернулся к Бережному. – Я надеюсь, вы дадите им возможность отдохнуть и поесть – ведь мы, что называется, прямо с корабля на бал прибыли. Ну а майор Санаев – он из наркомата товарища Бери. Секреты – это по его части.

– Ну, если так, пусть едет. Сейчас приедет еще одна машина, которая отвезет ваших офицеров – простите, но у нас, как и у вас с 1943 года, снова в употребление это старорежимное слово – в столовую... – Бережной вытащил из кармана коробочку размером с половину пачки папирос. – Капитан Приходько?

– Слушаю, товарищ полковник, – хрипло отозвалась коробочка.

– Сергей Сергеевич, возьми машину повместительней и подъезжай к самолету из Москвы. Тут четыре старших командира и экипаж. Отвези их в столовую, накорми и дай отдохнуть с дороги.

– Будет сделано, товарищ полковник, – коробочка хрюкнула и замолкла.

В это время к машине подошел майор Санаев с черным чемоданом в руках. Увидев эту картину, Бережной вздохнул, усмехнулся и сказал непонятную для Василевского фразу:

– И здесь черный чемоданчик...

Часть 2. Час истины

5 января 1942 года. 16:12. Аэродром Саки

Исполняющий обязанности командира сводной механизированной бригады полковник ГРУ Бережной

Так вот ты какой, товарищ Василевский, человек и пароход...

Защелкиваю дверцу машины и коротко бросаю водителю: «На КП!»

«Тигр» плавно трогается с места и быстро разгоняется – да так, что совершенно не ощущаются все семь с половиной тонн его веса. Нас плавно прижимает к спинкам сидений. Ехать тут недалеко, но наш водитель решил блеснуть – показать, так сказать, мастер-класс. И тут нам навстречу выворачивает трофейный автобус «Опель». Вот, оказывается, как капитан Приходько понял мои слова насчет машины повместительней. В салоне молчание; и генерал-лейтенант Василевский, и майор Санаев пытаются осмотреться, не выдавая своего любопытства. Подруливаем к капониру, затянутому маскировочной сетью сверху, и уже присыпанной снежком. Там внутри стоит штабной «Урал». В двух соседних, от греха подальше, заняли позицию два «Панциря» на танковом шасси. Серо-желтый пустынный камуфляж кое-как заляпан пятнами известки. Пусть у фрицев почти не осталось авиации, но «почти» – это не значит «совсем». Кроме того, адмирал особо нас предупредил, что у фрицев от свалившегося на них «счастья» вполне может поехать крыша...

– Все, товарищ генерал-лейтенант, приехали.

Выхожу из машины, и вижу, что ветер-то разгулялся не на шутку. Открыв дверь в кунг, приглашаю гостей пройти внутрь:

– Командный пункт бригады, товарищ Василевский, и вы товарищ майор, проходите, пожалуйста, не задерживайтесь. Погода на улице далеко не курортная.

Внутри кунга тепло, светло, радостно светятся дисплеи компьютеров. Тут весь мой штаб. Подполковник Ильин из группы товарища Антоновой исполняет обязанности начальника штаба. Майор Гальперин из начальника штаба самоходного артдивизиона стал начальником артиллерии бригады. Командир роты спецназа, майор Гордеев, исполняет обязанности начальника разведки. Тут же бывший журналист, капитан Тамбовцев – отозванный из запаса бывший спец, который в моем хозяйстве занимается «связями с общественностью». А в это понятие можно включить весь советский народ: от товарища Сталина до самых широких народных масс.

Пока капитан Тамбовцев занимается общественностью, мы занимаемся немцами. Но ничего себе дед – службу не забыл и дело знает...

При виде входящего генерал-лейтенанта Василевского офицеры вскочили.

– Товарищи офицеры! – подал команду мой начштаба.

На лице Василевского мелькнула усмешка, словно он вспомнил что-то забавное. Майор госбезопасности Санаев при этом еле заметно поморщился.

– Здравия желаем, товарищ генерал-лейтенант! – приветствовал гостей подполковник Ильин. – Разрешите доложить обстановку?

– Это мой начальник штаба, подполковник Ильин, – пояснил я.

Василевский кивнул и стал расстегивать шинель: к кунге было жарковато (какой мерзляк выкрутил регулятор отопления на максимум?) Найдя взглядом вешалку, посланец Верховного пристроил там шинель и папаху, после чего, приглаживая волосы, подошел к столу.

– Докладывайте, товарищ Ильин, – сказал он, потом обвел взглядом всю честную компанию и добавил: – Кстати, товарищи, почему вы все без знаков различия?

– Товарищ-генерал лейтенант, – вздохнул Ильин, – в нашем прошлом Указом Президиума Верховного Совета СССР с нового 1943 года в Красной Армии в качестве знаков различия снова были введены погоны. В настоящий момент использование погон считаем политически неоправданным шагом, который может вызвать к нам недоверие. А действующими на данный момент петлицами с треугольниками, кубарями и шпалами пока обзавестись не успели, на этой войне воюем меньше суток.

– Понятно... – Василевский обвел взглядом присутствующих. – Давайте рассказывайте все по порядку: что вы, кто вы и чего вы тут навоевали? – Расстегнув воротничок кителя, он заметил: – Жарко у вас тут.

– Давайте начнем с последнего пункта, товарищ генерал-лейтенант, – я кивнул Ильину, – рассказ о нашем происхождении достоин авантюрного романа в стиле товарища Буссенара.

Повинуясь моему кивку, тот повернул к генерал-лейтенанту большой 19-ти дюймовый ноутбук с боевой тактической информационно-управляющей системой.

На экране появилась карта Евпатории и окрестностей с нанесенными на нее текущими позициями войск.

– Товарищ генерал-лейтенант, обстановка на настоящий момент следующая. От захватчиков полностью освобождены города Евпатория и Саки. В Евпатории уже восстановлена советская власть. Гарнизон Евпатории в настоящий момент составляет сводный отряд капитана милиции Березкина, составленный из евпаторийских милиционеров, подпольщиков, и освобожденных из концлагеря военнопленных, который поддерживает порядок и осуществляет зачистку города от бандитских элементов и пособников фашистов. Батальон капитан-лейтенанта Бузинова находится в резерве в городе Саки, а также занимает рубежи на северном направлении, на котором противник пока не обнаружен. Теперь перейдем к позициям нашей бригады. Позиции под селом Ивановка занимает сводный батальон Черноморского флота из нашего времени. Это две моторизованные роты, имеющие на вооружении по десять гусеничных боевых машин пехоты, вооруженных каждая одной 100-миллиметровой и одной 30-миллиметровой пушками, и одна артиллерийская батарея, вооруженная легкими самоходными гаубицами калибра 120 мм. Батальон оборудовал позиции на юго-восточной окраине села Ивановка, и с рассвета отразил больше десяти атак противостоящей ему 22-й пехотной дивизии. Потери противника первоначально оцениваются как значительные.

– Спасибо, товарищ подполковник. – Василевский отвел взгляд от экрана. – Мы видели их позиции, когда подлетали к Сакам. Количество уничтоженных немецких солдат впечатляет даже на глаз. Вы мне вот что скажите: как вам удалось добиться полной нейтрализации немецкой артиллерии? Вы говорите, бои там идут с рассвета, но я совершенно не видел признаков артиллерийского обстрела с немецкой стороны.

Из-за стола поднялся грузный офицер.

– Разрешите, товарищ генерал-лейтенант... Майор Гальперин, исполняю обязанности начальника артиллерии сводной бригады. – В его скрипучем голосе чуть был слышен восточный акцент. – Основная должность – начальник штаба самоходного артиллерийского дивизиона гаубиц Мста-С, калибр орудий – шесть дюймов. В комплект оснащения нашего дивизиона входит комплекс артиллерийской разведки «Зоопарк», который позволяет определить позиции вражеской артиллерийской или минометной батареи после первого-второго выстрела. – Майор прошелся по кунгу. – Также эта аппаратура позволяет проконтролировать, куда именно падают уже наши снаряды. Исходя из предположения, что с отражением атак пехоты, не под-

держанных танками, авиацией и артиллерией, морская пехота справится самостоятельно, мы всю имеющуюся у нас артиллерию собрали в один кулак для контрбатарейной борьбы. Отсутствие вражеских артобстрелов – эта наша лучшая помощь морской пехоте. А артиллерийский кулак у нас, товарищ генерал-лейтенант, не слабый: дивизион самоходных шестидюймовых гаубиц «Мста-С», восемнадцать орудий и две батареи 120-миллиметровых гаубиц-минометов «Нона-С», еще двенадцать орудий... Большую помощь нам оказали работающие по ближним немецким тылам и коммуникациям ударные вертолеты... Ну вы видели эти машины на аэродроме. Еще к полудню обе пехотные дивизии вермахта, которые бросило на нас уцелевшее командование 11-й армии, 22-я и 50-я, потеряли почти всю свою артиллерию и минометы. Тогда же, утром, зенитным огнем самоходных ракетно-пушечных зенитных установок «Панцирь-С» были сбиты, очевидно, два последних «мессершмитта», пытавшихся штурмовать позиции нашей бригады. Скорее всего, они пересидели «Ночь длинных ножей» где-нибудь на аэродроме подскока, но не пережили первого же вылета на штурмовку. Больше вражеская авиация в воздухе не появлялась. О дальнейшем вам доложит подполковник Ильин.

– Погодите... – Василевский достал из кармана трубку, – интересно у вас получается – батальон противостоит пехотной дивизии...

– Товарищ генерал-лейтенант, – вмешался я, – во-первых, эти пехотные дивизии неполного состава, уже потрепанные под Севастополем. Во-вторых, в наших частях морской пехоты бойцы и командиры так вооружены и обучены, что их, образно говоря, можно сравнить с волками, а их противника – с овцами. А батальон волков всегда справится с дивизией баранов, к тому же лишенных танков, авиации и артиллерии. Ну и, кроме того, боевой дух и моральное превосходство сначала русского, а потом и советского солдата над всякими европейцами. Если хотите, можем проехать на позиции, увидите все своими глазами...

– Спасибо за приглашение, товарищ полковник... – Василевский встал и потянулся за своей шинелью.

– Извините, товарищ генерал-лейтенант, но в таком виде вам на позиции идти нельзя! – остановил я его, и краем глаза заметив, как напрягся Санаев. – Ваша генеральская шинель и папаха слишком заметны и представляют отличную цель для вражеского снайпера. Мы в ответе перед товарищем Сталиным за жизнь и безопасность его представителя. Да и совершенно не хочется информировать немецкое командование, что на плацдарм прибыла важная шишка: чем меньше они знают, тем спокойней спать нам. Правильно, товарищ майор госбезопасности? – обратился я к Санаеву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.